
Лиэс □

Таро оборотня□

Последнее изменение: 07 марта 2017□

(с) Все права на эту работу принадлежат автору□

1. I. Ты

«Каждое произведение искусства — это акт веры, иначе незачем было и стараться. Это словно послание в бутылке или крик в темноте. Оно передает слова автора: «Я здесь, я верю, что ты где-то есть, и в случае необходимости когда-нибудь отзовешься, даже если этого не произойдет при моей жизни»

Предположительно слова Дженетт Уинтерсон

Все события в жизни — эхо, отголоски прошлого. Если когда-то очень давно ты совершил глупость, эта глупость будет преследовать тебя год за годом, век за веком, жизнь за жизнью, пока ты не поймешь, как все исправить, как найти выход из петли, в которую загнал сам себя. И каждое повторение может стать началом новой петли. Собственно, это и есть жизнь — бесконечные петли и колтуны, которые ты создаешь на нитях, сплетенных для тебя Судьбой. Ты можешь идти по ним до тех пор, пока не научишься обходиться без колтунов...

Или пока у Судьбы не закончится терпение.

0. The Fool

Открой глаза, вдохни прохладный, пряный воздух летней ночи. Почувствуй сладость меда и горечь полыни, нежность полевых цветов и тепло конской шерсти в сплетении запахов, окупись в них с головой. Запомни первые шаги по мокрой траве и страх провалиться в бездонное небо, полное крупных, ярких звезд. Беги за вороном, запинаясь о корни засохших деревьев, лови скользкую рыбу за хвост, с головой окунаясь в ледяную воду реки, прячься в лисий мех, растворяясь в чаще при виде охотников. Учись ходить по настоящей земле, маленький оборотень. Смотри, как вместе с тобой делают свои первые шаги человеческие дети. Живи с ними, возле них, наблюдая, как плачет посаженный на цепь волк и увядает сорванный цветок, как истекает кровью раненый копьем медведь и утробно хохочет лесовик, уводя отцов на охоту, с которой им не вернуться. Запоминай крик новорожденного, вздох влюбленного, улыбку старика.

Но никогда не пытайся примерить на себя жизнь человека, маленький оборотень. Ты видишь их радость, слышишь, как возвышенна их хвала Солнцу и Лету, как тепло в их домах Зимой, и как шумны и веселы их свадьбы. Но смотри внимательно: где есть радость, есть и печаль, где есть хвала — всегда будут проклятия, а каждая новая жизнь идет рука об руку со смертью. Не обманись их улыбками: человеческое горе больно ранит, впиваясь в сердце когтями куда острее твоих. Тебе еще столько нужно узнать, но их страх перед теми, кем им никогда не стать, может стать причиной твоей смерти раньше, чем ты узнаешь и малую толику.

Беги же в этот новый, странный мир. Лови тонкую паутинку секретов, затерявшихся между оленьих рогов, считай ритм, в котором бьется сердце загнанного зайца. Учи сказки грозных туч и расчесывай шерстку о кусты шиповника, привыкай к лютой стуже и весенним каплям. И слушай, внимательно слушай песню ветров: обволакивающий голос лести южного, чарующий напев восточного, порывистый и тревожный призыв западного и мертвенно-спокойный плач северного. Сравнивай их, ловя обрывки чужих жизней, блуждающих в стремительных потоках...

Жди, пока одна из них не позовет тебя, чтобы показать дорогу домой.

1. The Magician

Оглянись вокруг, маленький оборотень. Ты так долго жил среди людей, что уже забыл, как выглядит мир без них: привык, просыпаясь, слышать гомон деревень, а засыпая — колыбельные женщин, запомнил, что означают узоры на их одеждах. Ты научился

охотиться, как они, есть то же, что едят они; запомнил каждого шамана, ведуна, знахаря и ведьму, что проходили этими землями, нашел ответы на все их вопросы — даже те, про которые они сами еще не догадались.

Сначала ты просто пытался помочь — бежал за дымом колдовских костров, указывал заблудшим душам путь и приносил на своих пушистых хвостах тайны, которыми так жаждали обладать люди. Не ожидая благодарностей, загонял зверя для непутевых охотников, уговаривал русалок отпустить забредших в их сети юношей, просил лешего не морочить детей, убежавших играть в лес. Не умея пройти мимо, совал нос в любое дело, затеваемое людьми, и, заинтересовавшись, доводил его до конца даже тогда, когда сами люди опускали руки. Из простого любопытства ты смог помирить небольшой род с лесом и речкой, небом и землей — и род этот счел тебя своим заступником, присланным предками. Люди стали вырезать твои портреты на прялках и плугах, вышивать на священных одеждах, выкрашенных в цвета твоей шерсти. Род рос, росла и его вера в тебя — проводника, защитника и благодетеля. И вот уже на крышах деревенских домов появились деревянные головы и травяные хвосты — точные копии твоих, а старики, рассказывая детям сказки, называют тебя своим прародителем. И даже шаманы и ведьмы, ведуны и знахари рода перестали обращаться к духам и богам, обращая свои молитвы только к тебе, скрепляя заговоры, благословляя и проклиная твоим именем.

Ты так долго жил среди этих людей, маленький оборотень, окруженный почитанием и верой, что забыл: все это лишь легенды одного рода. А забыв, поверил в них и сам — не со зла, но из любопытства, начал перекраивать жизнь деревни и мир, ее окружающий, по своему усмотрению. Но легенды — это всегда только легенды: сил твоих не хватило совершить задуманное, и люди, видевшие это, начали терять свою веру. Люди не склонны к долгим разбирательствам: для них истинно только то, что они видят здесь и сейчас. Что бы ни сделал ты для них раньше, теперь они видели лишь бессилие того, в кого так верили; больно хлестнуло твою душу разочарование, что видел ты в их глазах, но еще больнее было клеймо обманщика и лжеца, превратившееся в прозвище злого и хитрого духа, способного только вредить.

Но ты так привык быть для людей всемогущим, что не смог вынести их презрения. Забывшись, в бессильной ярости ты сделал то небольшое, что мог: когда взошла полная луна, принес из далекого прошлого пряный воздух летней ночи и дым колдовских костров, обернул в тяжелые туманы сказания туч и вплел их в паутину глубокого, тревожного сна. Пройдя по деревне, каждый дом укутал ты этим мороком, да так плотно, что даже время попало в сплетенную тобою ловушку для людских душ. Не успела сбежать даже старая ведьма, живущая на отшибе: так и застыла, держа в руках тимьян и птичий черепок. И только душа последнего человека попала в эту тугую сеть, как лес, до того безмолвно наблюдавший, с треском сдвинулся с места; взволновались воды реки, громко вздохнула земля — все договоры о мире, заключенные тобой когда-то давно, стали недействительны, когда исчезли те, с кем нужно было хранить мир. Подобрался лес вплотную к воде, посторонилась земля — и на месте домов и дворов с хлюпаньем сомкнулась грязная жижа болота. А надо болотом, видимый только при свете полной луны, повис густой туман, полный неясных теней и призраков, пашущих землю, поющих колыбельные и до дрожи пугающих даже кикимор, ненароком заглядывающих в новое болото.

Оглянись вокруг, маленький оборотень. Ты так долго жил среди людей, что уже забыл, как выглядит мир без них. Теперь ты сможешь это вспомнить.

2. The High Priestess

Ты очень долго бежал, спасаясь не то от себя, не то от долгого, холодного эха густого тумана болот. Но у любого пути есть свой конец — и твой не стал исключением. В тишине

старой чащи ты нашел покой и тишину, каких давно не было в твоей жизни. Под непролазным буреломом вырыл себе нору: уютный и теплый дом, стены которого выложены высохшими цветами медуницы, стеблями кислицы и осокой, а пол покрыт толстым слоем хвои. Подружился с огромным медведем и научился собирать его шерсть, остающуюся после линьки на стволах могучих деревьев, показал белкам, как прятать запасы к зиме, а паучьи сети развесил там, где лось не смог бы случайно порвать их рогами. Ты боялся повторить свою ошибку, маленький оборотень, снова стать для кого-то тем, кем быть не можешь, но звери — не люди. Звери гораздо мудрее людей. Они с благодарностью приняли твою помощь, взамен делясь с тобой пищей и открывая тайные тропы, но никогда не молясь и не возлагая пустых надежд. И за это ты был им благодарен.

Время шло, маленький оборотень, шло медленно и размеренно, словно в стороне от тебя. Ты заставил замолчать тихий шепот ветров, звавший тебя к неизвестному, запретил сам себе думать о прошлом и отогнал призраки грядущего. Собирая свежие травы для норы и выкапывая новые тайники для зимних запасов, утепляя постель волчьим мехом и заячьим пухом, ловя зазевавшихся грызунов ты совсем перестал сбрасывать свою пушистую шкурку.

Тебе казалось, что на этот раз ты нашел свой настоящий дом, свое место в мире; убаюканный этой надеждой, ты все прочнее увязал в простой и тихой лесной жизни. Ты все реже и реже подходил к окраинам леса, а со временем и вовсе начал сторониться его светлых опушек и ухоженных троп, какими изредка проходили здешними местами путники. Твой мех стал гуще, а шкурка — прочнее, чтобы тебе было легче скользить в тени густых зарослей. Ясными днями с тобой играли лесные девы, а в ненастную погоду леший чесал твою шерстку — и ты тихо урчал, веря, что это и есть счастье. И, боясь разрушить это счастье, ты не выходил за пределы как леса, так и жизни, в которую смог влиться.

Но мир, маленький оборотень, ведом вовсе не мимолетными прихотями его обитателей. И если ты перестал прислушиваться к его ветрам — он найдет способ сказать свое веское слово так, чтобы снова завладеть твоим вниманием.

В день, когда кони луны догнали колесницу солнца, в лесу загорелся единственный ясень — старое, могучее дерево, пережившее долгие засухи и наводнения, чья кора огрубела после суровых столетий долгой зимы, а корни спускались так глубоко, что ни один крот не знал, куда можно по ним добраться. В дупле ясеня жил старый леший, смотритель этого леса. Он вспыхнул в один миг, вместе со своим домом, словно сухой факел, и необузданный и свирепый огонь, уничтожив стариков, быстро перебрался на молодую поросль вокруг. Перебегая от деревца к деревцу, прыгая по кустам, он распугивал зверей. Стоны обращающихся в пепел лесных дев летели далеко за пределы леса, вплетаясь в горестный плач северного ветра, а ненасытное пламя прокладывало себе путь по буреломам, словно хищник, отслеживающий добычу. Он добрался и до твоего дома, маленький оборотень, заставив бросить все, спасаясь. Тайники обрушивались и выгорали, оставляя тебя без пищи, а от теплой постели не осталось даже пепла. И только когда ты добежал до утопанной дороги, идущей у самого края леса, пожар утих.

Сделай глубокий вдох, маленький оборотень. Почувствуй горечь пепла на языке и резкий запах гари, услышь громкий плач выживших и тихий шепот погибших. Запомни алое зарево, лишившее тебя жизни, которая казалась такой настоящей... и вновь прислушайся к песне ветров, что зовет тебя дальше и дальше отсюда.

3. The Empress

Сколько было пройдено, а пыльная дорога все вилась и вилась впереди, убегая за горизонт почти идеально прямой лентой, лишенной развилок и поворотов. Сколько было пройдено,

а лапы твои все еще оставляли пепельные следы на сухой земле, и шкура пахла гарью. Желая сбежать от страха и агонии смерти, ты загнал себя в тесную клетку скорби и сожалений.

Никто так и не попался тебе навстречу, и ни одна повозка, на которую можно было бы запрыгнуть, не проехала мимо. Ветер не играл с травой и ветвями стоящих вдалеке деревьев, птицы не пролетали над этой дорогой, а звери не подбегали к ней близко. Ты брел один, в тяжелой тишине так долго, что стал забывать, будто бывает иначе, а дорога приковывала твой взгляд, словно пытаешься приворожить к пыльным камням и сухой земле. Пытаясь не сойти с ума, воскрешал ты в памяти первую ночь в этом мире — но раз за разом вспоминал только боль и страх, агонию умирающих и яростный рев пламени за спиной. Ты пытался остановиться. Лечь, подставив потемневшую шерстку палящему солнцу, закрыть глаза и уйти, оставить доставшийся тебе по воле Судьбы мир, оказавшийся таким страшным и жестоким местом. Но раз за разом сама земля подталкивала тебя, заставляя вставать и идти вперед: камни, на которых ты слишком задержался, то раскалялись, становясь лавой, то застывали, опалая лапы нестерпимым холодом. И ты шел. Шел так долго, что успел забыть, ради чего идешь, помня только свое стремление двигаться, не останавливаясь ни на миг. Изредка яркими красками вспыхивали перед тобой миражи, отголоски прошлого: яркие поля и пряные травы, дикие звери и веселые люди, но ты уже не помнил, как связаны между собой эти странные образы, дрожащие в горячем мареве. Знал, что можешь сделать больше, чем просто брести — но уже забыл, что значит желание действовать и творить, потерял свое любопытство, загнал себя в бездействие и безразличие ко всему.

Для тебя осталась только дорога — бесконечная, пустая и тихая. Бесплодная земля и лишенное жизни небо над головой.

И только тогда на горизонте показался город. Огромный, светлый и чистый, чьи приземистые башни угрюмо нависали над осмелившимися приблизиться. Ты не верил своим глазам, пока не коснулся холодных стен носом, не ощутил свежесть тени, отбрасываемой ими, не попробовал мутную, но настоящую воду, выплеснутую кем-то из окна кухни. Обезумев от восторга, носился ты по улицам, сбивая прохожих с ног, рвал палатки торговцев и яростно вгрызался в еду, лежащую на лотках. В своей дикости ты вынудил стражу напасть — и перегрыз бы им глотки, если бы острая сталь копий не отогнала тебя обратно к воротам. На дорогу, от которой, как тебе казалось, ты сбежал. Но ты испугался — испугался нового пути и нового застоя, и страх этот смирил жажду действия. Ты стал осторожен — и под покровом ночи, стащив сохнущую во дворе самого большого строения рясу, сбросил пушистую шкуру, войдя на рассвете в город на двух ногах. Ты смеялся и ликовал, но лицо твое, отвыкшее от подобных эмоций, оставалось бесстрастным. Ты бежал, но пара ног — не четыре лапы, и бег твой стал неспешной поступью. Тебе недоставало хвоста, и ты то и дело терял равновесие. Ты лишился больших ушей, и многие звуки ускользали от тебя. Ты с удивлением чувствовал, что запахов стало меньше. Но люди больше не боялись тебя. Никто не обратил внимание на очередного путника, — лишь удивлялись, заглянув ему в глаза.

И ты ликовал, с головой окунаясь в совершенно новый мир.

4. The Emperor

В темноте зажигаются свечи, в холодном камне пробуждается тепло, и в тишине рождается слово, когда чистые, ровные голоса выводят мелодию, заполняющую просторные залы. Патокой льется звук, обволакивая собравшихся под низкими сводами людей, окрыляя и унося их разум высоко в небеса, к которым они так стремятся. Песня становится громче, нарастая, подобно штормовым волнам, накатывающим на утлую

лодочку души — и разбивается о нее, бросая щепки в бушующий водоворот чистого света. Вторя голосам поющих, пробуждаются колокола, — поддержка и маяк для захлебнувшихся восторгом, чья звонкая мелодия вливается в яркое крещендо хора. И кажется, будто темные залы изнутри наполняются солнцем, слепящим и обжигающим, заставляющим рыдать — не то от невыносимого счастья, не то от сладостной боли.

А ты пел со всеми, вплетая свой окрепший за месяцы жизни среди людей голос в общий хор со всей страстью, на которую был способен, не в силах сдержать слез, как и стоящие рядом с тобой люди. Пел, пытаюсь через музыку понять то, чему тебя пытались научить в этом месте, стараясь осознать и принять новые для себя правила. И пока ты пел, ощущая близость таких чужих для тебя созданий, их единый и чистый порыв, ты верил в них безоговорочно и не сомневаясь ни на секунду в их правоте, готов был идти их путем, до мелочей соблюдая чужой устав — лишь бы теплый, добрый свет, ободряющая общность оставались в твоей душе. Но стоило песне смолкнуть и затихнуть последнему гулкому удару колокола, стоило погаснуть свечам и остыть камням, как тебя охватывал страх — липкий, тяжелый страх, маленькими коготками впивающийся в сердце. И массивные стены, совсем недавно казавшиеся сотканными из лучей солнца, превращались в тесную, мрачную темницу.

Ты боялся, что приютившие тебя узнают, кто ты такой, маленький оборотень. Изучая из правила, читая их легенды и слушая размеренную речь их учителей ты понял: знай они, кого подобрали на пыльных улицах города, кого отмыли и накормили, — доброта их испарилась бы, словно роса в жаркий полдень. Ты был для них сказкой — страшной и пугающей нечистью, жаждущей только людской крови ошибкой уставшего после сотворения совершенного мира Всемогущего Создателя. Таких, как ты, нужно опасаться, изгонять и уничтожать — и это будет благом.

Ты хотел возненавидеть их за это — но не смог. Взметнувшаяся было в душе волна гнева наткнулась на ледяную скалу памяти — памяти о деревеньке, которую навеки поглотил туман, о выжженном лесе и бесконечной дороге, полной одиночества и тягостного ожидания конца. Бытие человеком надломило тебя: раз за разом переживал ты свое прошлое, просыпаясь в холодном поту, — и легкие человеческие руки смывали горячий пот с твоего лба, подносили чашку воды к иссохшим губам, гладили взъерошенные волосы. Ты стонал, и разум твой в горячем бреде был готов разорвать себя в кровавые клочья, — но тихие голоса возвращали тебя, успокаивали и излечивали открывшиеся было раны. И ты не смог ни возненавидеть этих людей, ни принять их мир. Но начал бояться.

Отравленный собственным страхом, ты принялся с упрямством, достойной вьючного зверя, выполнять все, чему тебя обучали. Не было среди них такого же прилежного ученика, ни один не придерживался догматов своего учения так, как придерживался их ты. Вскоре даже старейшие из учителей не могли сравняться с тобой в точности исполнения ритуалов, и даже Отец-настоятель дрогнул, пораженный тем, как рьяно ты отстаивал в спорах основы их веры. Но ты и сам чувствовал фальшь, стоящую за этим упрямством, маленький оборотень, и фальшь эта росла из твоей неспособности искренне принять то, что ты защищал.

Только в вечерних песнопениях ты обретал покой, растворяясь в музыке без остатка, поддаваясь общему стремлению к чистым, светлым небесам...

5. The Pope

Беги, кричи, плачь от боли, если твои пустые глазницы еще способны исторгать слезы, а из

пересохшего горла может вырваться хоть один звук. Мчись наравне с ветром, надеясь, что бежишь вперед, прячясь, не зная, где тебя могут найти. Из последних сил беги, спасаясь от облавы, проклиная недавних друзей. Беги, маленький оборотень. Позволь родным запахам леса направлять тебя, проси убежища среди буреломов, моли ручьи и реки смыть твои следы. И плачь, если можешь, скорбя о потерянном счастье...

Зима пришла на смену осени, а затем и она посторонилась, впуская весну на улицы города. Солнце светило ярче с каждым днем, а птичьи голоса не смолкали даже ночами, радуясь приходу тепла. Небо славилو грядущее лето, расцветая каждый вечер яркими цветами свежих, умытых звонкими капелями закатов, а земля дышала, сбрасывая оковы льда. Радовалась и твоя новая обитель: вывешивались сотканые за зиму гобелены — вызолоченные драгоценным шитьем картины, славящие Творца и Мир, сотворенный им; широкие, тяжелые ставни библиотечных окон с тяжелым вздохом открылись, выдыхая пыль и затхлость зимы, а узкие оконца жилых комнат не закрывались даже в дождь, впуская под низкие потолки птиц и озорные весенние ветры. Грубые меховые накидки были убраны, уступив место легким льняным одеждам, и задумчивые улыбки все чаще посещали лица поющих в хоре юношей и девушек. Твое дыхание тоже стало свободнее с приходом тепла. Опьянев от ароматов, заполнивших коридоры, ты осмелел настолько, что попросил старого библиотекаря разрешить тебе вынести книги во дворик, под начавший зеленеть клен... и получил разрешение. С тех пор каждый закат ты встречал, уютно устроившись меж кривых корней, выступающих из земли, в окружении кодексов и свитков. Ты читал истории людей, живших задолго до основания города, бродивших по миру, останавливавшихся в деревнях и селах, учивших местных любви и состраданию, основам врачевания и тяжелой науки письма. Теперь этих людей чтили, искали совета в сохранившихся записях их учений и слов, настолько тесно вплетая их в свою веру, что учения их стали ее основой. Тебе казалось, будто эти люди были подобны тому тебе, что мирил людей и леса, вел духов, держащихся за хвост, в иные миры, и приносил оттуда ответы шаманам. Но люди, о которых рассказывали свитки и книги, не гордились собой, не пытались сделать что-то свыше своих сил. Их не считали богами, но их любили и верили в них — и это удивляло и восхищало тебя более всего.

Так проходили твои дни, и ты был счастлив. Но, перебирая однажды свежие записи, принесенные в библиотеку путешественниками, ты нашел потрепанные листы тонкой кожи. И страх снова сжал твое сердце ледяной хваткой: неровный почерк неизвестного странника рассказывал легенду о болотах, на месте которых давным-давно стояла процветающая деревушка. Ее жители селились вплотную к лесам, но дикие звери не нападали на них; широкая река, разливаясь весной, не топила дома на берегах. Изделия местных мастеров расходились далеко за пределы деревни, и знатоки на ярмарках всегда могли узнать их по аккуратно изображенному на товарах лису — покровителю деревни. «Но то был не простой зверь, почитаемый родом, — гласили записи странника, — то был оборотень — порочное дитя мира мертвых, один из тех, кому Создатель, пожалев, позволил жить в своем мире. И, как и всякий оборотень, он умел лишь разрушать сотворенное, умерщвлять живущее и проклинать цветущее. Сами того не ведая, жители той деревни обрекли себя на гибель, проклинали сами себя, провозгласив его своим покровителем, и наказание не заставило себя ждать: в одну ночь деревня, погрузилась под воду, но даже вода не смогла вынести тяжести проклятия, помутнела и стала болотом, смрадным и мрачным». С каждым словом в тебе закипала почти забытая ярость. Ощущая, как встает дыбом шерсть на загривке, ты был готов разорвать тонкую лживую кожу, но вовремя заметил внимательный взгляд библиотекаря. Не сомневаясь, что он успел заметить, почуять, понять что-то, ты показал ему текст. Запинаясь и краснея, попытался объяснить, будто предки твои жили в тех краях, и по рассказам их, переданных тебе родителями, все было иначе... старик молча кивал, не сводя с тебя глаз. А потом, усмехнувшись, отвернулся. Глядя на сгорбленную спину скрывающегося среди полок

библиотекаря, ты невольно скрестил руки на груди и почти вскрикнул, ощутив острые когти. Не заметив того, потеряв контроль, окунувшись в прошлое, ты снова становился зверем.

Человек видел это.

В отчаянии ты догнал старика. Упав ему в ноги, умолял сохранить виденное в тайне. Роняя на холодный пол слезы, убеждал того, что никому не причинишь вреда, пытался доказать, что пришел в поисках мира. Библиотекарь молча слушал. Затем, улыбаясь, поднял тебя, ободряюще похлопал по плечу и обещал сохранить твою тайну.

На следующий день к тебе пришел Отец-настоятель. Грустно вздыхая, рассказал, как верил в тебя, видел в тебе надежду и опору. И как сильно ты опозорил его, оказавшись лжецом и предателем. Пока он говорил, вошли еще четверо. Всех их ты знал, с каждым любил проводить время за чтением книг или работами по хозяйству. За обедом вы ели из одного котла, и ты не мог поднять на них руку, хотя теперь взгляд их был полон ненависти. Покорно стоял ты, не сопротивляясь, пока Отец-настоятель торжественно объявлял, что по примеру Творца, которому обязаны следовать люди, тебя помилуют, но оставлять такой позор на своей обители им не пристало. Потому ты будешь сокрыт от мира в подземельях, а в наказание за то, что осмелился читать священные тексты, тебе выжгут глаза.

Ты кричал. Молил. Не смея причинить вред тем, с кем делил еду, ты пытался вывернуться, выскользнуть, сбежать. Рвался из крепких рук, пока тайными коридорами вели тебя вниз, в кузню. А потом была яркая, нестерпимо яркая вспышка и запах паленой шерсти и жженого мяса, на смену которым пришла боль. Обжигающая боль, парализовавшая тебя, вплетенная в бесконечный, срывающийся на хрип крик, вой, переходящий в полный ярости рык, от которого закладывало уши и звонко дрожали стекла. И тьма. Беспросветная тьма, поглотившая весь мир вокруг. Еще не до конца осознав случившееся, подгоняемый нестерпимой болью, ты метался с утроенной силой, извиваясь и кусая, царапая держащие тебя руки.

Когда обезумевший зверь, в которого ты превратился, все-таки разодрал их в кровь, ты ощутил свободу. Взыв, помчался ты в сторону раскрытых окон, ведомый запахами и слабыми отголосками памяти. Под крики удивления и досады, выпрыгнул ты на свободу, лишь слегка ободрав пушистую шкурку о раму. И помчался вперед.

Не принятый, преданный и ослепленный маленький глупый оборотень. Беги, кричи, плачь от боли, если твои пустые глазницы еще способны исторгать слезы, а из пересохшего горла может вырваться хоть один звук. Мчись наравне с ветром, надеясь, что бежишь вперед, прячась, не зная, где тебя могут найти. Из последних сил беги, спасаясь от облавы, проклиная тех, кого хотел считать друзьями.

6. The Lovers

Час, день, месяц, год.

Теплый ветер. Холодная вьюга.

Журчание ручья. Шелест травы. Голоса людей.

Мир рассыпался на маленькие осколки, тонкие и невесомые кусочки, с тоскливым звоном разбивавшиеся каждый раз, как ты пытался собрать из них единую картину. Ты мог слышать легкий плеск русалок, чуют запах охотничьих костров и ощущать подушечками

лап теплую землю, но не видя ничего, не мог соединить все это. В полной темноте, какой не знал прежде, проходило время, и ход его ощущался почти физически. Секунды стали неделями, недели — годами, а годы сжимались до одного дня, полного тревожных, пугающих и сводящих с ума шорохов. И однажды ты просто не смог продолжать свой путь.

Вокруг пахло степными травами и летней жарой, когда ты понял, что твоя дорога окончательно растворилась в окружающем мире. Не было развилок, поворотов или того, что можно было бы принять за цель — просто огромная степь, легкий ветерок, да вечернее солнце, напоследок согревающее пыльную лисью шкурку. Ты устало вдохнул ароматные воздух, по старой привычке закрыл уже невидящие глаза и лег, свернувшись пыльным комочком среди трав.

Мир поглотила мертвая, не пахнущая ничем тишина.

Тебя разбудил свет. Тусклый, едва различимый, но настоящий, пробивающийся сквозь тьму свет. Полузабытый теплый луч коснулся век, и в следующий миг ты уже всматривался в переливающийся бледными оттенками горизонт, где не было ничего, кроме ярких всполохов. Неуверенно поднявшись, ты двинулся вперед, сквозь высокие травы, щурясь и пытаясь вспомнить, что значит смотреть. И когда ты почти совладал со своим новым зрением, свет погас. Но в нем не было нужды — даже в полной темноте ты видел перед собой дерево, в ветвях которого колыхались на ветру сотни ленточек, нежно звенели колокольчики и глухо стучали погремушки-амулеты. В листве то и дело вспыхивали черным огнем свечи, заливая воском иссохшую траву у корней, где лежали аккуратными ровными кучками рогатые черепа и вышитые кошель, кожаные сумки и пуховые платки, кольца, кольчуги и щиты... А само дерево тихо гудело, вздыхало и охало, и под корой его глухо клокотало нечто неведомое, а потому пугающее.

Среди всех подношений ты разглядел узкую тропинку, проложить которую могли только звери. Петля между украшений и доспехов, огибая наряды и меха, тропинка уходило под корни дерева, к чернеющему провалу норы, обрамленному инеем. Ты знал, что тебе нужно туда. Холодна темнота звала, обещая покой, ласку и исцеление. Она была терпелива, и не торопила, зная, что другой дороги здесь все равно нет.

Но тебе доставало мужества сделать первый шаг по едва заметной тропинке. Как доставало смелости еще раз примерить на себя роль человека, оставив лисью шкурку на залитой воском траве и пройти дальше, приняв неизбежное.

Мимо, едва задевая землю, пробегали неразличимые во мраке звери, то соскальзывая в нору, то взбегая по стволу к теряющейся в вышине вершине. Приходили одетые в лучшие платья люди и, оставляя все вещи у корней, шли дальше, растворяясь разноцветными всполохами: кто-то исчезал в огненной вспышке, кто-то растворялся порывом ледяного ветра, а иные рассеивались теплым солнечным светом. Среди них ты заметил и тех, с кем учился в монастыре. Они прошли мимо, бесстрастно глядя перед собой, и почти все ушли куда-то с морозным ветром. Только старый библиотекарь, улыбаясь, налился изнутри ярким теплым светом и рассыпался на миллионы солнечных зайчиков.

Когда ты понял, что так и не сможешь сделать выбор, мягкий восточный ветер донес до тебя затихающий зов. Далеко-далеко, там, где остался только пыльный комочек меха, кто-то звал тебя, маленький оборотень, пытаясь заставить очнуться заснувшее тело. Кому-то было важно вернуть тебя на потерянный в степи путь.

Зов этот все решил за тебя: дерево насмешливо закрипело ветвями и растаяло, оставив после себя только едва уловимый запах зимы, и мир вокруг снова поглотила непроницаемая тьма.

Но в этой тьме, подобно маяку, остался едва различимый серебристый лучик лунного света.

7. The Chariot

Воздух после дождя пах свежестью и мокрой травой, а птицы пели особенно громко, разгоняя томное послевкусие первой весенней грозы. Недовольно фырчал еж, пытаясь изловчиться и избавиться от налипших на иголки прошлогодних листьев. Кто-то радостно попискивал в глубине леса, ворочался и хлюпал по разлившемуся ручью, шумно втягивая прохладную воду. Ошалелые белки сбрасывали на землю все, что могли найти и оторвать среди ветвей, и тебе приходилось прислушиваться особенно внимательно — не свистит ли падающий желудь? Не норовит ли врезаться в изрядно побитый лоб неведомо откуда притащенная шишка?

Мир по-прежнему был темен, но в этой тьме ты наконец научился ориентироваться не хуже, чем прежде — на свету. Ты больше не вспоминал прошлого, не терзался сомнениями — просто жил, всегда оставаясь немного настороже. Изучал открывающийся заново мир. Слушал рассказы перелетных птиц. Выхаживал попавших в капкан сородичей. Понял, чем пахнет зеленый и голубой, какой на ощупь желтый и красный, как звучит серый и о чем молчит белый. Мог по едва заметному шороху угадать, что происходит на другом конце поляны. Отравившись болотной лягушкой, долго боялся охотиться, опираясь лишь на слух и обоняние, но, наконец, научился и этому. Искал и находил. Учился у седого медведя выбирать ягоды по запаху, гонял рискнувших спуститься на землю белок и шаг за шагом восстанавливал нить своей судьбы, утраченную, казалось, навсегда. Почти слышал, как она выпрядается сызнова, и больше не искал конца. Вернувшись от входа в обитель мертвых, никогда не пытался вернуться, стараясь не замечать маячащий на самом краю видимости лунный луч. Мир, кусочек за кусочком, собирался для тебя воедино, и временами тьма рассеивалась — пусть только перед внутренним взором, но вновь появлялась радуга в ярко-голубом небе.

Жизнь вновь наполнялась утраченным было покоем. Но сейчас ты был твердо уверен, что не позволишь случиться дурному. Ведь что бы ни произошло теперь, после долгих бесцельных скитаний, вечного побега и смирения, смешанного с неясной надеждой на туманное «лучшее», ты видел перед собой цель. А с целью пришли и силы ее достичь.

Кто-то не дал тебе умереть. Кто-то решил за тебя, что жизнь твоя еще нужна здесь. Кто-то вытащил тебя, насильно водворив в изнемогающее тельце, увез в тихий лес и выходил, оставаясь неузнанным. Зачем? Неизвестно. Эта неизвестность томила и жгла, заставляя приноживаться, вслушиваться и раз за разом подниматься, учась выживать и жить.

Только через год ты позволил себе вернуться на поляну, где в последний раз кто-то приходил тебя навестить, и жадно втянуть воздух, отыскивая мельчайшие запахи прошлого. Сменилась листва, а дожди давно вымыли следы, но что-то неуловимое, неподвластное природе, осталось едва заметным следом, змеящимся между вековых дубов.

Ты улыбался, отправляясь в путь, веря, что сможешь нагнать ускользящий призрак.

8. The Justice

Холодные капли дождя, смешанного со снегом, тяжело падали на палую листву. Каждая

капля — болезненный удар по обострившемуся слуху, заставляющий прижать уши в тщетной попытке не слышать. Дождь шел, не переставая, почти неделю, а, быть может, пару дней или пару часов. Болезненная дробь, звонкий перестук, глухие удары, раздающиеся со всех сторон сразу, лишали воли и сил, опаляли кожу немилосердным холодом, оставляя царапины под свалывшимся мехом, превращая дыхание в скулеж и мольбы о пощаде. Но осеннее небо не склонно слышать чужие мольбы. Оно жестоко и безразлично у измученному зверю, потерявшему даже собственную смерть.

Но в какой-то момент стало неожиданно тепло. И почти сухо. Звуки стали тише, и вокруг остался только шорох плотной ткани, смешанный с запахом прелого сена. А потом мир перевернулся. Или это ты упал, маленький оборотень, попавший в мешок проходящего лесом монаха?

Тебя сочли мертвым, а когда обнаружили свою ошибку, ты уже стоял посреди небольшой кухни, топорща шерсть на загривке и отчаянно пытаешься сориентироваться в лавине смутно знакомых запахов. Лавровый лист и чеснок, копченое мясо и хлеб не могли заглушить отчетливый запах старых книг, чернил и лжи. Ложь была старая, ядовитая, впитавшаяся в людские души, но не принадлежащая им. Она сочилась из стен, лилась с потолка и впитывалась в каждый камешек пола, каждую нить потрепанного старого коврика у лежанки в углу.

Пусть ты не видел, куда молодой монах принес тебя в своем мешке, но не узнать старый монастырь, где ты когда-то жил, и который предал тебя, ты не мог. И хотя здесь давно жили другие люди, люди, которые даже не догадывались о произошедшем когда-то, ты чуял запах их душ — отравленных проклятьем предательства, что случилось больше века назад. Память людей коротка, но память их душ ничуть не хуже памяти оборотней. И, как их души, ты помнил запах этой лжи, тяжелой и липкой, лишившей тебя зрения.

Поэтому ты стоял посреди небольшой кухни, топорща шерсть на загривке и отчаянно пытаешься не дать запахам свести себя с ума.

Люди тихо переговаривались, не зная, что предпринять. Срывающийся, совсем юный голос предлагал из жалости добить слепого зверя, но уверенный и низкий объяснял, что раз у зверя хватает сил встать против схвативших его людей, то слепота ему явно не помеха. Третий, сухой и надтреснутый, предлагал выкинуть грязную лисицу обратно в лес. Они спорили, постепенно с шепота переходя на крик, но ты не слушал их. Ты слушал тишину у очага, такую густую и плотную, что становилось ясно — там сидит человек. Старый, усталый человек, вслушивающийся в твою тишину, как ты — в его.

А значит, такой же слепец.

Когда он понял, что ты, наконец, обратил на него внимание, старик улыбнулся, окрасив свою тишину теплыми светлыми тонами. Он заговорил, тихо и размеренно, превращая каждую фразу в распев. Поначалу этот голос утонул в перебранке монахов, но те затихли, едва расслышали его. А старый слепец говорил, и каждое слово его, как могучее заклинание, будило призраков прошлого. Он пел, и песня его была старше камней, из которых был сложен монастырь. Он шептал, и в шепоте его было больше яда, чем во всех душах, живущих здесь.

Старик рассказывал легенду, которой была не одна тысяча лет: о болотах, на месте которых давным-давно стояла процветающая деревушка, чьи жители селились вплотную к лесам, не боясь диких зверей, и о старом духе-защитнике, который бежал за дымом колдовских костров, указывая заблудшим душам путь домой. И люди любили его, как не

каждый род любил своего прародителя, и дух отвечал им взаимностью. Но род рос, и дети его, уходившие далеко и не всегда возвращавшиеся домой, извратили эту любовь, превратив в слепое поклонение вырезанным из дерева идолам. Принося из чужих земель злые, лживые сказки, они пытались вплести их в историю своего рода, наделяя духа-оборотня, покровительствующего роду, силами, ему не свойственными. Просили то, чего он не мог им дать. Роптали на того, кто долгие годы был их верным стражем. И дух, добрый, тихий дух, не пережил их предательства, и покинул род. С его уходом дикие звери сошли с ума и пожрали тех, кто жил в лесу, а старая, могучая река выдохнула туман-морок, проглотивший души оставшихся в живых людей. И не осталось ни рода, ни деревни на том месте.

Старик говорил, а ты чуял его слезы, скопившиеся в морщинках вокруг пустых глазниц. Горькие слезы вины, соленые капли раскаяния. А ты уже сидел рядом с ним, и морщинистая рука ласково трепала улегшуюся шерсть на загривке. Вот только в руке той не было тепла. И ты, уже знающий дорогу к смерти, чуял ее пыль на ботинках слепца.

Призрак прошлого, настойчиво следовавший за тобой, куда бы ты ни пошел, тяжело вздохнул, закончив свой рассказ. Он выполнил то, для чего был рожден из грез застывшей во времени деревни, вырванной волей взбалмошного оборотня из круга жизни, отброшенной туда, где нет ничего, даже пустоты, передал послание, ждавшее своего часа долгие годы, и исчез, рассыпался горсткой давно истлевшего и никогда не существовавшего праха. А ты остался стоять посреди небольшой кухни, вслушиваясь в затихающий спор монахов, решивших, наконец, сначала вымыть и накормить присмирившего зверя, и только потом, дождавшись конца дождей, выпускать его обратно в лес.

Но ты не обратил на них внимания, маленький оборотень. Прошрое, нагнав тебя, вручило свой запоздавший, но пришедшийся как нельзя более вовремя урок. И прежде, чем двигаться дальше, ты обязан был вернуться назад, туда, где все началось.

Вернуться и освободиться.

2. II. Он

 9. The Hermit

Огонь свечи не в силах рассеять долгую северную ночь, но его света достаточно, чтобы выхватить из тьмы два лица. Одно принадлежит мужчине, второе — юноше. В бороде первого поблескивает седина, он курит тяжелую, испещренную узорами трубку и непривычно смугл для этих мест. Второй не носит бороды, закутан в рыжий мех и нервно тербит вплетенные в десятки косичек бусы.

Один плачет, второй — внимательно наблюдает за чужими страданиями.

— Такой была твоя жизнь, оборотень, — клубы дыма сопровождают слова, придавая им форму и объем, — до того, как ты ее забыл. Теперь скажи мне: зачем ты пришел сюда?

— Это и был мой вопрос, — легкий наклон головы и переливы бусин, поймавших отблески огонька свечи.

— Это — мой вопрос, не твой. Твоим было желание узнать, почему мир вокруг кажется тесным и блеклым, отторгает тебя и не дает жить в мире с собой. Ты узнал. Теперь, зная это, скажи: зачем ты пришел сюда. Не гадай, не переспрашивай. Все ответы уже твои, так найди нужный.

Тишина, заполненная дымом, долго кружит над слабым огоньком свечи. В этой тишине поселились призраки прошлого, озлобленные и печальные, отчаявшиеся и смеющиеся, ждущие и подстерегающие каждое неосторожное слово, готовое сорваться с губ. Призраки боятся дыма, огня и звона бусин.

И они терпеливы.

— Я пришел, потому что заблудился, — улыбка, полная мольбы. — Снег падал и падал, заметая знакомые тропы. Я сбился с пути и вышел к этому дому.

— Откуда ты пришел?

— Я... не знаю.

— Куда ты направлялся?

— Не знаю!

— Знаешь. Снегопадов не было почти месяц, и ты пришел со стороны большой дороги.

— Я не... знаю. Я знаю, — огонек свечи, потревоженный шумным выдохом, заплясал и почти потух.

— Так расскажи.

— Была ночь. Безлунная, темная ночь. Даже звезды пропали, хотя туч не было. Мы ехали по деревням, разыскивая детей — странных, никому не нужных детей с глазами цвета ночного неба, проклятых от рождения на смерть в колыбели, но переживших свое проклятие. Тех, кого не успели забить камнями, тех, кто сбежал от огня пожаров, не прыгнул в стылую воду рек, гонимый насмешками. Мы забирали их с собой, обучая жить со своим проклятием, превращая оборванцев в травников и шаманов, циркачей и воров,

отпуская в мир лучших убийц и целителей.

Той ночью мы проезжали опустевшую деревню. В ней не осталось никого — только мертвые, замершие в своих постелях. Целая деревня мертвецов, и в центре, на главной площади у колодца — рыдающая девочка.

Ее глаза не были черны. Самый обычный ребенок, чудом переживший остальных. Мы не подбираем таких обычных детей, и наша повозка просто проехала мимо, как проезжала мимо десятки раз до того. Но девочка, в отличие от своих предшественников, даже не обернулась. Она просто не заметила нас! Ни повозку, ни лошадей, ни людей. Никого, как будто никто и не проехал рядом.

А потом оказалось, что кроме меня никто не видел той деревни. Странное чувство, будто мир нарочно вытолкнул самого слабого туда, где никому из живущих не место, а потом, передумав, забрал назад... Я хотел знать, что это было. Хотел так сильно, что позволил своему желанию провести меня через лес и снег. Я не знаю, был ли тот снегопад настоящим для мира, но для меня — был.

Теперь я знаю, что произошло тогда. Еще одно напоминание от Судьбы, которого я хотел избежать. А ведь я надеялся, что смогу спрятаться от нее, став тем, кем никогда не был раньше. Забыв всю прошлую жизнь.

— Если бы Судьба была памятью, мир был бы намного проще, — дым окутал тихий смех, смешавшись с ним и растворяясь в потеплевшей тьме.

— Да уж.

— От Судьбы сбежать нельзя, оборотень. Можно долго играть с ней в прятки, пытаюсь обмануть, но каждый тур игры лишь добавит проблем, которые придется решать в следующем.

— Игру всегда можно прервать и начать сначала.

— Но отменит ли новая игра знание о поведении твоего противника? Будете ли вы с ним использовать тактику, вам не свойственную? Вы можете попытаться, но в итоге вернетесь к излюбленным приемам. А раз так, то есть ли разница, называешь ты игру новой или считаешь, будто продолжаешь старую?

Трубка гаснет, и становится на один огонек меньше в темноте северной ночи. Во тьме старого дома сидят, склонившись над едва теплящимся пламенем свечи, двое. Один слушает, бессильно опустив руки на колени. Второй продолжает говорить:

— Ты живешь очень давно, оборотень. По меркам человека — слишком давно. Но ты постоянно ходишь по кругу, раз за разом оказываясь в одной и той же точке, пугаясь и убегая, но все равно возвращаясь. Может быть, настало время этот круг прервать и начать, наконец, новый? Сейчас, когда Судьба перестала принуждать тебя к этому силой и пытается просто поговорить.

— Я уже пытался. И не справился. Прошлое — не точка на старой карте, куда можно вернуться.

— А, может, нужно просто лучше выбирать дорогу?

Юношу разбудило конское ржание и громкий смех попутчиков. Сквозь щели в потолке повозки пробивались лучи жаркого южного солнца, и сухой ветер уже доносил запахи рынка — пряные, приторные и удушливые ароматы.

Он досадливо поморщился, потирая покрасневшие следы отпечатавшихся на щеке бусин. Сон, — хотя на самом деле это и не сон был вовсе, — закончился слишком неожиданно. Старейший шаман, живущий так далеко, что и за год не доберешься, помог вспомнить многое, не сказал самого главного: как именно найти дорогу к прошлому, чтобы его исправить.

А, может быть, просто не захотел говорить, решив, что ответ слишком очевиден, чтобы становиться словами. Как бы то ни было, путь все еще был далек.

Юноша-оборотень тяжело вздохнул, снова закрыв черные, цвета ночного неба, глаза.

10. The Wheel of Fortune

Он не любил юг. На жаре плавилась и трескались бусины, превращая волосы липкий комок стекла, щепок и пыли. И та же самая жара медленно убивала его самого. Каждую минуту. А жирные, громко жужжащие мухи лезли в глаза и путались в и без того запутанных волосах. От запаха специй его начало тошнить на второй день. От вони улочек и сточных канав — на третий. Запахи пота и навоза преследовали даже во сне.

Единственное, что ему здесь нравилось — яркие ткани и плавные изгибы арок. А еще — тончайшей работы серьги, кулоны, браслеты, бусы, пояса и множество других мелочей, таких блестящих и звенящих, полезных в выступлениях тех, из кого растили циркачей. А также — как товар. И даже как взятки. На самом деле, они и приехали на юг только ради этих украшений, ведь здесь практически не появлялись проклятые дети, а если и появлялись, так местные убивали их еще во младенчестве. Хуже, чем здесь, с ними не обращались нигде в известном мире. Так что и приезжие собирались быстро набрать товары и уехать, не вызывая гнева южан.

Быстро — значит, уложиться в базарную декаду. Десять дней удушающей жары, пыли и презрения. Десять дней плясок под палящим солнцем и состязаний, кто лучше танцует на углях, жонглирования отравленными кинжалами и постоянного, неослабевающего внимания: нет-нет да и запустят из толпы не монетой, а камнем, разглядев глаза выступающего.

Так что он не любил юг.

Поэтому каждую свободную минуту старался найти безопасный угол и задремать, в полудреме отправляясь на поиски старого шамана. Нужно было задать только один, последний вопрос, ответ на который так и не прозвучал в прошлую беседу: кто много веков назад заставил тогда еще совсем молодого, маленького оборотня вернуться с границы жизни и смерти?

Иногда казалось, что шаман специально умолчал об этом. Возможно, старик верил, что вспомнив свою жизнь, оборотень и сам найдет ответ. А, возможно, и сам ждал этого вопроса, веря, что невысказанное в объяснениях не нуждается. Или просто не догадывался, что на самом деле важно сказать. Как бы то ни было, старик промолчал об этом, как промолчал и о не менее важном: первой настоящей смерти, от которой уже никто не спас и которую пришлось вспоминать самостоятельно.

С шаманами всегда было сложно общаться.

Тяжелые тучи и пронизывающий ветер северной ночи ускользали. Вместо старого дома и огонька единственной свечи он находил только свою память, раз за разом переживая одно и то же.

Слепой и истощенный, он шел по следу, едва уловимому запаху, тихой тенью скользя по земле. Шел ночью, когда запахи становились острее, а днем прятался от случайных хищников и людей, забредавших в лес. Прятался равно и от охотников, и от заблудившихся путников, и от лесорубов, видя в них одинаковую опасность. Переживал туманы и дожди, пожирающие запахи, и бежал быстрее, чем мог, чтобы нагнать упущенное время. Он верил: тот, кто спас его один раз, поможет и снова, указав дорогу к прошлому с той же легкостью, с какой вывел его с перекрестка миров. И уверенность эта придавала сил.

Он шел по следу не год и не два, но казалось, что меньше дня — во тьме он утратил счет времени. Но у любой дороги есть конец, и след вывел его на скалистый берег моря, где запах соли и рыбы, холод и сырость мешали двигаться дальше. Там, на берегу, он нашел того, кого так долго искал, и понял, что поиски были напрасны.

Человеческий век слишком короток, и там, где дух видит день, для человека проходит год. По человеческим меркам он промедлил, идя по следу, и придя к рухнувшей хижине старого колдуна застал там лишь его кости, давно обглоданные и почти рассыпавшиеся. Вот тогда-то он и сделал величайшую глупость в своей жизни: отчаявшись, решил искать дух колдуна там, откуда его самого когда-то вытащили. Он зашел глубоко в соленые воды и позволил едва различимому мерному скрипу ветвей и слабому лунному свету заполнить все свое существо и снова вернулся к корням старого дерева. Перестук амулетов приветствовал его, как родного, но в пыли тропинок не нашлось ни одного следа прошедшего ими колдуна.

Путь назад был закрыт. Даже тот, кто уже ходил в обе стороны, легко может заблудиться в туманах этой стороны мира без проводника с другой.

Он долго бродил вокруг, пытаясь отыскать хоть что-то: обрывок рубашки, треснувший амулет, оброненный рунный камень. Что угодно, способное рассказать, куда двигаться дальше. Но ничего не было. Только раз за разом попадались горшки, прялки, рубашки с маленькими, едва различимыми изображениями лисицы, да древо над ним скрипело тихо и насмешливо.

И тогда он сделал вторую глупость: вместо того, чтобы смириться и пройти звериной тропой, он увязался за проходящими мимо людьми, решив, будто их пути пересекаются чаще. Он не был уверен. Не знал, что получится, даже не задумывался, что его ждет. Просто шел вперед, к яркому свету, сопровождаемый сотнями мертвецов.

А потом он увидел свет. Настоящие, живые огоньки свечей. А вслед за ними — склонившиеся над ним лица людей, на которых был написан ужас, смешанный с отвращением. И первыми словами, что он услышал в новом для себя мире, были: «Черные. Все было напрасно, они черные».

Сейчас, сидя на крыше низенького дома, в тщетной попытке поймать свежесть в южном ветре, он был почти уверен: старый шаман специально прячется от него за старыми образами, вынуждая самостоятельно найти ответ. До сих пор единственное, что он понял наверняка, заключалось в следующем: добровольная смерть была страшной глупостью; стать человеком легко, а вот быть им намного сложнее, чем он себе представлял. Но ничего из этого не было нужным ответом, и это злило его, как злил жаркий, душный и грязный юг.

Он терпеть не мог юг.

11. The Force

Он был рад убраться из города. Базарная декада закончилась, как закончилось и терпение южан, так что они уехали вовремя. Еще бы день, нет, час, и пришлось бы спасаться от огня или камней.

Ему было не страшно умирать. Не теперь, когда он вспомнил, что следует за смертью. Но ему было жалко остальных. Особенно старика, собравшего их и научившего всему, что они умели.

А еще были дети. И их ему было жаль — маленьких, полудиких, только-только начавших осознавать, кто они такие.

— Покажи фокус! Ну покажи!

Все новые дети были одинаковы. Сначала дичились, старались держаться поодиночке и затравленно озирались, ожидая подвоха. Им ведь рассказывали страшные сказки с самого рождения: о том, что приедет огромная повозка, темная, но увешанная яркими полосами ткани, и из повозки выйдет злой старик с огромными глазами и тяжелой тростью. Старик тот заберет посмевавшихся выжить проклятых, чтобы пытать их, умерщвляя плоть и изгоняя демонов. А затем продать бесполезных детей на рынке за пару медяков.

Обычно, рассказывая эту историю, деревенские добавляли, что, помимо проклятых, старик забирает и самых непослушных и ленивых детей. Простая мораль простой сказки, но на детей, которые нет-нет, да встречали ту самую повозку, полную черноглазых, она действовала просто отлично. Что до проклятых, так им не было нужды слушаться старших — сама жизнь обрекала их быть пленниками страшного старика. Поэтому они не пытались прижиться в деревнях, а если и доживали до приезда повозки — прятались, кусались и дрались за свою жизнь.

Но несколько дней в обществе старика, который неизменно оказывался просто терпеливым и заботливым дедушкой, преображали новичков. А знакомство со старшими и вовсе превращало в совершенно иных существ.

— Покажи фокус! Ну покажи!

— Я? А вы точно не перепутали ничего? За фокусами вам к Змее, она у нас великая колдунья, — смеясь, он нарочито неуклюжим движением высвобождается из цепких детских рук, попутно незаметно ощупывая полупустые карманы. Разумеется, они знали, что он не колдун, и даже близко не имеет дело с чудесами наяву. И конечно, если бы дети хотели таких чудес, они бы пошли к Змее, задумчиво перебирающей травы для чая.

— Нет! Покажи ты!

Детские голоса переплетаются, превращаясь в восторженный рев, когда он легким движением кидает в них «сокровищами», секунду назад лежавшими в их же карманах. Все правильно. Именно такого фокуса они и ждали. Всех новичков, совсем недавно выбравшихся из нищеты, голода и страха, в первую очередь завораживают только два искусства: актеров-убийц, наемных подручных тихой смерти, и циркачей-воров, служителей смеющихся богов. Это было понятно: те, кто может менять лица, завораживать людей яркими красками, заставляя их верить в цветной калейдоскоп мечты, забирая у них самое дорогое, были в глазах недавних голодранцев настоящими героями, победившими свое проклятие. Со временем они поймут свою ошибку и станут внимательнее присматриваться к работе целителей и шаманов, но пока... пока ни восторженно хлопают, подбирая с земли рассыпанные вещи.

Он любил детей. Точнее, он любил именно этих детей — оставленных миром из жалости, выброшенных, потерянных... и обретших дом. Настоящий дом, хоть и не имеющий точного места. Здесь их все любили. И старались, как могли, подготовить ко встрече с прошлым.

Они рассказывали детям сказки. Не такие, как в деревнях: простые, лишённые блеска чуда или обманчивой морали истории своих жизней. Те малые крупницы, что каждый мог вспомнить, он старался передать детям. И те слушали, раскрыв рты, не всегда понимая, что именно они слышат, но всегда чувствуя это, всей душой откликаясь на опутывающие рассказчика лабиринты его Судьбы.

Он тоже рассказывал сказки. Все, что помнил: о ярких кострах и шелесте перьев, запахе полей и лесов, о теплой шкурке зайца и тайнах, спрятанных в переплетении оленьих рогов. Рассказывал, сопровождая свои истории «фокусами», вызывавшими бурный смех заслушавшихся было детей.

Старик не одобрял этого, считая, что дети должны получать чистый опыт, а не сказку в красивой обертке смеха. Но он никогда не слушал старика в таких вопросах, помня слишком много страданий и стараясь, насколько это было в его силах, скрасить свой горький опыт детским смехом. Только в одном он был согласен со стариком: детям можно знать все, кроме смерти. Это слишком личный опыт.

А потому он продолжал смешить слушателей, в самые неожиданные моменты доставая из кармана ежа или внезапно растворяясь в сумерках, оставляя им только свой голос. Рассказывая о лесе, доставал из-под детских рубашек орехи, которые сам туда и складывал незаметно. И чем больше он говорил, тем отчетливее ощущал, как прошлое его отпускает. Каждая рассказанная история будто растворялась во времени, становясь просто гладкой шерстинкой в его собственной нити Судьбы. Эти нити переплетались с новыми рассказами, словно привязывая его к этому миру и открывая его удивительные чудеса, даруя силу, более ощутимую, чем любая из знакомых ему.

Сплетая паутины слов, он с интересом наблюдал, как в них попадались люди. Пока только дети, но иногда он позволял себе мечтать о королях, поддавшихся чарам сказок и послушных ему. Или им, тем, кого они презирали... Но, замечая внимательный взгляд старика, он встряхивал головой, отгоняя опасные мечты. Первое, чему его учили здесь — контролировать свои порывы. Обдумывать последствия поступков и желаний. И он с благодарностью смотрел на замершего поодаль старика, возвращаясь к нетерпеливо

ерзающим, просящим «фокус» детям.

Он любил детей. Точнее, он любил именно этих детей — внимательно слушающих, пытающихся разобраться в себе и мире вокруг. Их любопытство, смешанное с серьезностью и взбалмошностью в равных пропорциях, стало для него чем-то вроде ключа к миру. Он вспомнил, как дышать полной грудью, перестал искать старого шамана и просто... жил. Радуюсь этой жизни. Разыскивая в ней подсказки о будущем и примиряясь в очередной раз с прошлым.

Так что он действительно любил этих детей. А вот остальных он, вспоминая свое собственное детство, просто ненавидел. И иногда, когда старик не видел, позволял себе мечтать, но уже не о королях, а о собственном возвращении в родную деревню и прочной, надежной паутине, которой он мог бы оплести ее жителей.

И жизнь в такие моменты казалась особенно прекрасной.

12. The Hanged Man

«Раз, два -

Ловите чужака,

Три, четыре -

Разводите руки шире,

Пять, шесть -

Вас он может съесть,

Семь, восемь —

В печь мы его бросим,

Девять, десять...»

Он не дослушал песенку, под которую дети выбирали «чужака» — того, кто будет охотиться за ними сегодня: дети заметили повозку и с визгом разбежались по кривым улочкам, отходящим от площади. Сколько ни приезжали они со стариком в крупные города, ни разу еще ему не удавалось узнать конец. Но это не слишком его волновало. Он вообще не был уверен, что действительно хочет знать, чем закончится песенка. Скорее всего — ничем хорошим, как и большинство детских песенок.

Встряхнувшись, он забрал у кого-то из повозки доски и принялся сооружать помост для выступлений. Времени почти не оставалось: скоро вечер, и народ хлынет на улицы — развеяться после дня работы на господ или нудного дежурства у ворот, выпить, полапать девок, да поглазеть на представление, готовящееся на площади. Слухи о прибытии повозки циркачей разлетелись быстро, а значит, недостатка в зрителях не будет.

Еще бы были среди них достаточно пьяные богачи. Такие всегда бросают на помост монеты большего достоинства, чем стоило бы, и никогда не лезут их забрать. Достаточно богаты, чтобы швырять полновесное золото циркачам. Достаточно горды, чтобы не

сожалеть об этом. Идеальные зрители.

Но, вероятнее всего, сегодня придут такие же голодранцы, как и сами выступающие. Может быть, даже беднее. Они всегда первыми узнают новости и рады возможности увидеть хоть что-то разнообразящее унылые, скомканные дни, полные голода и унижений. Увидеть, как кто-то унижается еще сильнее, кривляясь и стоя на голове на глазах целого города. Может, даже бросить добытым в ближайшей канаве комком нечистот, если настроение толпы будет соответствующее.

«Раз, два — ловите чужака...»

Пытаясь избавиться от звучащего в голове навязчивого мотива, он принялся развешивать яркие, недавно привезенные с юга полотна, огораживая сцену. Нужно просто пережить первый вечер, чтобы оплатить свое пребывание в городе монетой, а не посылать ночью кого-то из своих в казармы. Стража любила издеваться над заезжими, особенно над теми, кто заведомо лишен любых привилегий. А если не платить...

Он вздрогнул, вспоминая. Тогда, кажется, вечность назад, он был совсем мальчишкой, только начавшим выступать вместе со всеми. И он совершил ошибку. Упал, разревелся, разозлил толпу, вместо того, чтобы улыбнуться и превратить все в фарс, который она так любит. За то выступление они не получили ни монеты. Но, что еще хуже — именно за тем выступлением наблюдали стражники. Наблюдали и делали выводы. А потому ночью затребовали именно его — до смерти перепуганного, стыдящегося своей неудачи, готового в любой момент выцарапать глаза каждому, кто подойдет слишком близко, мальчишку. Они ухмылялись, требуя со старика плату, а тот только вздыхал, молча сцепив пальцы в замок. Только годы спустя стало ясно, что старик тогда еще прекрасно знал, чем все закончится.

И что избежать конца нельзя.

Он отказался идти со стражами. Посмел сопротивляться, когда его попытались увести силой. Взбешенные, они силой выволокли из толпы циркачей девчонку — такую же, как он сам, может, чуть младше. Он даже помнил, как сам уговаривал ее пойти со стариком, бросив деревню, в которой ее почти оставили калекой. Она совсем недавно перестала нервно вздрагивать при звуках человеческой речи. И даже иногда улыбалась ему, пока он отрабатывал трюки.

Он кричал, пока стражи удовлетворяли свою похоть. Прямо там, на площади, под ободряющие крики случайных зевак. И доносящуюся из-за угла песенку: «...три, четыре — разводите руки шире! Пять, шесть — вас он может съесть!»

Он рвался, пытаясь достать до стражей. Но его держали. Крепко держали свои же, и крепче всего — старик.

Он рыдал, когда почти потерявшей сознание девчонке перерезали горло.

А потом... Его уже не держали, но он был не в силах пошевелиться, смотря в мертвые глаза отрубленной головы, брошенной к его ногам.

Глаза, после смерти ставшие совершенно белыми.

«Семь, восемь — в печь мы его бросим!»

Звонкий смех вернул его из темных и мрачных глубин воспоминаний, к которым он предпочел бы не возвращаться. Помост был готов. Зрители начали собираться.

Он медленно сделал глубокий вдох и, широко улыбаясь, вскочил на шатающиеся доски. Пока старик удивительно громким для его возраста голосом призывал «честный людей» поддаться южным чарам, добытым циркачами из жаркого, как ад, и прекрасного, как рай, города, он скинул сапоги и осторожно прошелся по помосту, прислушиваясь к вибрации досок и запоминая каждую щель. Но вот толпа начала нетерпеливо ворчать, и пришло время чудес. Тех чудес, которые приводят в восторг, пьянят и ударяют в голову, заставляя мечтать о несбыточном и, что важнее — расставаться с деньгами без сожалений.

Под яростный рев десятков глоток он уворачивался от стрел, которые разрешалось пускать всем желающим. Танцевал на остриях зажатых между досками кинжалов. Жонглировал горящими факелами. Исчезал с помоста, чтобы оказаться за спиной какого-нибудь зеваки и, смеясь, закружить его в вихре пестрых платков под ритмичный перезвон и стук бусин в развевающихся волосах.

Он больше не допускал ошибок. Каждый шаг, каждый взгляд и вдох были просчитаны и выверены в сотне тренировок. Он мог повторить все выступление в любой момент, с любого движения, ни разу не сбившись. И за это толпа была щедра к нему, платя не за день, но за декаду его жизни рядом с ними. За то, чтобы в любой вечер снова увидеть яркое безумие красок, почувствовав дыхание чужих стран и пустынных земель среди смрада города.

И так — вечер за вечером. Лишенные смысла движения, механическое повторение заученного, игра с памятью в прятки и глубоко въевшийся страх допустить хоть одну ошибку и вновь увидеть абсолютно белые глаза, в уголках которых застыли кровавые слезы.

Но пока ошибок нет. И можно вновь и вновь спускаться с помоста под восторженный рев, отдавать собранные деньги старику и бежать по пустынным улицам города, стараясь обогнать ветер, в косматой гриве которого запутались и пропали последние слова старой детской песенки.

«Девять, десять...»

13. The Death

— Тебе нравится быть человеком?

Вопрос застал его врасплох, когда он развешивал сушиться только что выстиранную одежду. Остались позади города, олицетворяющие зло и опасность, а до ближайших поселений добираться не меньше пяти дней, и он выдохнул было свободно, с головой погрузившись в простые бытовые заботы. Но, как оказалось, рано.

— Я не знаю, какой ответ будет правильным, — тяжелая драпировка, обычно украшающая шатер их предсказательницы, с громким хлопком опустилась на растянутую веревку.

— Боишься получить полотенцем по шее за неверный ответ? А я-то думал, что ты уже вырос, — старик беззлобно расхохотался, усаживаясь на одну из пустых перевернутых корзин. — Так что, нравится тебе быть человеком?

— Нет, — он помедлил, закрепляя на веревке ткань, и добавил тише, — не знаю. Это так сложно: не знать, кто ты такой и где твое место, просыпаться от ночных кошмаров и гадать, не было ли это призраком прошлого, которого ты не помнишь. Постоянно ощущать, что успел забыть гораздо больше, чем можешь знать. Видеть зло и не иметь сил противостоять ему пусть даже большим злом. Знать, что справедливость — иллюзия, но продолжать ее искать. Пытаться найти грань между тем, кто ты и тем, кого из тебя пытаются сделать, приписывая тебе что-то. Люди ужасны.

— И все-таки ты не сказал твердое "нет".

— Мне кажется, что из человеческой ограниченности берет начало какая-то иная сила. Просто чтобы ее понять и использовать, нужно стать настоящим человеком. Не отягощенным грузом памяти о прошлом из совершенно другой жизни, виной за совершенные века назад проступки. С чистой Судьбой. Открытым для мира. Но... я, мы все здесь — не такие. И я не знаю, сможем ли мы такими стать, даже разобравшись каждый со своей виной. Мы ведь никогда и не были людьми.

— Но сейчас-то вы люди.

— Люди ли? — Он усмехнулся, заметив чуть поодаль подростков-шаманов, собравшихся вокруг своего наставника. Над ними то и дело сверкали молнии и собирались тучи, которые наставник с безграничным терпением разгонял раз за разом.

— Можешь поверить старому дураку, воспитавшему не одно поколение, — старик щурился на то и дело скрывающееся солнце, с усмешкой наблюдая за подростками, — Вы люди. Может быть, не совсем освоившиеся, все еще дурные, как только появившиеся на заре времен духи, многое не понимающее, но вполне люди.

— Но ведь человек — это не просто мешок костей и мяса, сложенных в определенном порядке, — он раздраженно встряхнул добытую из недр очередной корзины скатерть.

— Нет. Человек — это еще и сомнения. И постоянный поиск своего места между абстрактным добром и не менее абстрактным злом, существование на самой грани и вера в то, что где-то есть существо более мудрое и благородное, способное взять и решить его проблемы.

— Но я не...

— Как же, — снова сухой смешок. — А кто до сих пор засыпает меня вопросами, пытаюсь и свои ответы подогнать под мои, давно перестав искать свои собственные? Я видел твое последнее выступление. Отличная техника, настолько впечатляющая, что не каждый разглядит за ней холодную ненависть и отстраненность. Ты остановился, в своем поиске и решил равняться на меня: глупого мелочного старика, вся забота которого — сохранить живыми большую часть своих подопечных. Любой ценой.

Он отложил белье, внимательно уставившись на старика. Тот, потеряв бороду, продолжил уже в явном раздражении:

— Все, что я хотел сказать тебе сегодня, так это то, что ты — такой же, как люди в городах

или деревьях. Вся разница между вами только в том, что у тебя есть возможность вспомнить и исправить свои ошибки. Знаешь, если я подобрал и выходил когда-то побитого камнями мальчишку, это не значит, что я стал для него богом и идеалом. Это значит, что я просто дал ему шанс жить и искать ответы на вопросы его жизни и дальше, только и всего. — Старик умолк на минуту и продолжил уже более мягко, — Тебя уже однажды подвела импульсивность и вера в собственную непреложную правоту. Может быть, пришло время наконец признать, что как бы тяжело ни было, ты — не единственный, кто страдает. И что твоё раздражение и ненависть вызваны не столько окружающими нас людьми и их поступками, сколько тем, что где-то в глубине души ты видишь, как мало отличаешься от них на самом деле.

Он молча наблюдал, как старик, закончив свой монолог, поднимается с корзины, разминая затекшие конечности. Как тучи над подрастающими шаманами наконец превращаются в пушистые облачка и их наставник совсем по-детски радуется вместе с ними. В тишине, полной журчанием ручья и стрекотом кузнечиков, перестуком дятлов и нежной песней ветра в колокольчиках под навесом травников, тишине умиротворенной, какая бывает только в ясный день на лесной опушке, он ощущал теплую и тяжелую волну, накрывающую его с головой. Осознание, неприятие, сожаление — многое было в этой волне, но больше всего в ней было раскаяния. Ему казалось, что где-то рядом с облегчением рассмеялся старый шаман.

Но никого рядом не было, разумеется. Только чересчур наглая белка, попытавшаяся было запрыгнуть в корзину с остатками выстиранного белья.

Он был благодарен старику за заботу. Но знал, что слишком заостенел в своей ненависти, чтобы двигаться дальше. Здесь и сейчас, в этой жизни, он уже ничего не сможет изменить, как бы ни уверял старик в обратном. Чтобы продолжать поиск, нужно освободиться от предвзятости, основанной на горьком, слишком горьком опыте.

А его опыт слишком свежий и раны, оставленные людьми в душе, до сих пор кровоточат... Он знал только одно лекарство, но опасался его. Одной глупой смерти было вполне достаточно.

Задумавшись, он не сразу заметил подошедшую Змею.

— Вообще-то уже готов обед, — женщина улыбалась, протягивая ему горшочек с похлебкой. — Причем давно. Но ты так глубоко в себя ушел, что пои подопечные не смогли до тебя докричаться. Между прочим, ты их здорово напугал.

— Прости, — он улыбнулся, покачав головой, — но сегодня я не буду обедать.

— Уходишь? — Она сразу поняла, что он хотел сделать. Многие из них, понимая что-то действительно важное, уходили искать новые ответы. «Покидают гнездо, которое уже не может предложить ничего нового», — говорил в такие моменты старик, «становятся на крыло, наконец-то, отправляются в действительно большой мир».

Он тепло улыбнулся, отвесив Змее глубокий поклон.

— Передавай остальным мои радость и покой, — традиционные среди них слова наконец-то обрели смысл.

— Мира твоей Судьбе.

Он уходил лесом, забираясь все глубже в чащу, веря, что на этот раз найдет дорогу. И когда вокруг сомкнулся холодный северный вечер, а с небес повалил густой снег, он понял, что не ошибся.

3. III. Она

14. The Temperance

Морозная осенняя ночь свернулась вокруг деревни, надежно закрывая все ставни на покрывшиеся инеем засовы. Где-то слышалось тихое пение, где-то - размеренная речь старших, рассказывающих удивительные истории внукам. Истории о том, как смеющийся бог искал солнце во чреве жадного медведя, и вышел из него спустя долгие полгода. Но солнце уже успело пропитаться желчью, и оттого не светило больше так ярко, как раньше. Или истории про то, как змея поспорила с духами леса, и так обидела их, что была изгнана в реку и стала угрем.

Но чаще всего в начале осени рассказывали историю о том, как давным-давно, когда деревня стояла на берегу совершенно ином, пришли к ее жителям странные люди, одетые в железо и кожу. Люди те пахли кровью и кислым пивом и несли с собой боль и смерть. Но деревенские жители слишком ценили любую жизнь - даже такую скверную, как жизнь незваных гостей. А потому туманной ночью снялись с места и отправились искать новый берег. Но они собирались в спешке, а потому не спросили совета ни у предков, ни у духов своей земли. Даже проститься с ними не успели, оставив на разорение. Потому не удалось им найти себе новый дом.

Долгие годы скитались они, и ни одна земля не могла принять их, как родных. И дольше бы скитались, если бы одной снежной ночью старый шаман не вывел из леса черноглазого юношу, одетого в яркие краски осени. Казалось, он не чувствовал холода, хотя встретившие его кутались в мех, и только смеялся грустно, когда они предлагали ему свои одежды. Они с шаманом долго совещались, и юноша рисовал на свежем снегу карты, тут же заметаемые ветром. А потом они вместе повели всех, кто смог выжить за прошлые годы, сквозь метель и тьму, через стывшие земли и застывшие воды рек. И когда душа старого шамана ушла, юноша повел их один. Он упрямо шел вперед, терпеливо дожидаясь отстающих и немощных, указывая на странные, никогда не встречавшиеся никому из них растения и объясняя их назначение, помогая подружиться с диковинными зверями и понять язык запутанных следов.

Они шли долго, но не так долго, как шли до этой встречи. Наконец, когда снег уже начинал таять, вышли к лесу на берегу широкой, спокойной реки. И самые старые из них рыдали, увидев, как похоже это место на покинутый ими дом.

Земля приняла их, назвав своими сыновьями, лес был щедр и отступил без боя, позволив построить новую деревню, а река была ласкова и богата рыбой. Вскоре они вновь жили, как прежде, только ночи были длиннее, а зимы суровее, чем помнили старики.

А юноша покинул их спустя две зимы, когда уже родился и попрос новый шаман. Своего спасителя деревенские похоронили под высоким старым дубом на окраине, не слишком далеко от последних домов, чтобы его дух не тосковал в одиночестве и всегда мог возвращаться и радоваться вместе с ними новой, спокойной жизни.

Курган давно сравнялся с землей и исчез в переплетении мощных корней могучего дерева, а земля вокруг покрылась яркими оранжевыми и желтыми цветочками, похожими на тлеющие угольки в зеленой траве, а старики все рассказывали и рассказывали эту историю своим внукам наравне со сказками о смеющемся боге и неосторожной змее, мудром олене и отважном вороне.

Только эта история, в отличие от прочих, никогда не менялась.

15. The Devil

В ветвях дуба тихо шелестел ветер, теплый и любопытный. Он заглядывал в гнезда птиц, перебирал каждый листочек, спускаясь от верхушки старого дерева к самой земле. Уже у земли, изучив травинки и опавшие лепестки цветов, погасшую трубку и гладкие, вытасщенные из реки камешки, ветер поднимался немного выше, чтобы поиграть яркими ленточками в темных, тронутых сединой волосах сидящей под дубом женщины, ласково коснуться ее щеки, украшенной глубокими шрамами, складывающимися в грубый рисунок лисицы.

Она сидела у корней дуба, прислонившись спиной к шершавой коре, и медленно, размеренно перебирала в руках маленькие белые косточки, испещренные рисунками. Иногда любопытный ветер касался их, и полые кости отзывались тихим гулом, похожим на смех.

- Выходи уже, - женщина улыбнулась, ссыпая кости в расшитый мешочек, и подняла взгляд на вышедшего из-за дуба парня. - Что, страшно?

- Нет... да, - он беспомощно пожал плечами, виновато глядя сверху вниз.

- Садись. Да не бойся, не съем я тебя. Кто вообще придумал эту глупость? Будь я моложе, хорошенько прополоскала бы дурня в речке. Добро бы, говорили так, будь я злым духом, так нет же...

Слушая ворчание женщины, парень успокоился и устроился напротив, поджав под себя ноги, и с любопытством уставился на вышитый мешочек, который та все еще держала в руках.

- Даже не думай! - шутливо погрозив пальцем, она убрала мешочек, спрятав его глубоко в необъятные одежды. - Пока не обзаведешься покровителем среди духов, никаких тебе предсказаний. И уж точно никаких гаданий про невесту, нет уж, сами разбирайтесь. Боги дали вам язык и речь не за тем, чтобы вы молча прятались друг от друга.

- Я не прячусь! Я просто не знаю, кто...

- И не узнаешь, пока не поговоришь. Вся деревня видит, как ты на дочку кузнеца смотришь, тут и гадать незачем. Ладно, не красней. Рассказывай лучше, зачем пришел. Я-то знаю, каждый год вы, дурни, одну и ту же глупость делаете, а вот тебе надо учиться говорить о своих страхах. Страхи пожирают душу изнутри, впуская недобрых духов, застилая взор и лишая сил, но высказанный страх - это наполовину побежденный страх. Ну?

Парень замялся, и, сжав кулаки, взглянул прямо в глаза женщины. Но увидел там только отражение теплой улыбки.

- Я боюсь оказаться недостойным внимания. Боюсь, что моим покровителем станет какой-нибудь заяц или муравей.

- А ты, конечно, хотел бы, скажем, медведя, - звонкий смех заставил парня покраснеть. - Скажи мне, чем плох заяц или муравей? Тем ли, что заяц ловок и умен, а муравей трудолюбив и предан своему роду?

- Нет, но...

- А чем хорош медведь? Тем, что когда-то именно он, в жадности и прожорливости своей, проглотил наше теплое солнце?

- Я не думал об этом... так.

- Конечно не думал. И поэтому пришел, как и любой другой мальчишка, восхищенный силой медведя, его свирепостью и способностью с легкостью убить охотника, носящего на щеке его образ. Скажи мне, смогла бы жить деревня, будь у нас только охотники? Без шамана, кузнеца, рыбаков? Без тех, кто возделывает поля и пасет скот, тех, кто лечит больных и шьет одежду? Будь все мы под покровительством свирепого медведя, волка или филина, какой была бы деревня? Ответь на этот вопрос, и поймешь, как глуп твой страх. Посмеешься над ним.

Парень сидел молча, внимательно разглядывая траву у своих ног. А женщина, собрав рассыпавшиеся волосы и стянув их яркими лентами в узел, принялась собирать просохшие речные камешки, продолжая говорить спокойно и размеренно:

- Не завидуй тем, кто приглянулся хищнику. Их дух смятен и блуждает в темноте прошлого, не в силах вспомнить своих ошибок и выбраться из бесконечной их чреды. Их путь будет долог и труден, а жизнь полна горечи и боли. Именно поэтому им нужны сильные и свирепые покровители, способные поддерживать их волю, когда надежды не останется.

- Я не знал...

- Конечно, не знал. Любое знание приходит именно тогда, когда это действительно необходимо. Когда ты готов понять его и принять, даже если сам того не осознал. Ты был готов, поэтому пришел ко мне сегодня.

- Спасибо, - парень поднялся, отряхнув налипшие на штаны травинки. - Я подумаю о том, что узнал.

- Конечно, подумаешь, - фыркнула женщина. - А если завтра к вечеру не выбросишь из своей головы все глупости, мне придется вспомнить молодость и все-таки искупать тебя в реке. Лично.

Они рассмеялись, и парень ушел, оставив женщину одну у старого дуба. Она неспешно поднялась, отряхнув одежды, подняла с земли погасшую трубку и неспешно обошла дуб, остановившись над зарослями ярко-желтых и оранжевых цветов. И, глядя на старый, давно сравнявшийся с землей курган, вспоминала все пойманные за свою долгую жизнь во снах обрывки прошлого, случившегося так давно, что никто уже и не знает о тех временах. Вспоминала потускневшие, полные боли сказки об ошибках, за которые платят жизнью, о судьбе, которая всегда права, и о долгом, длиною в несколько жизней пути от глупого маленького оборотня до старой травницы, пытающейся исправить ошибки далекого-далекого прошлого.

И смотря на сравнявшийся с землей курган, к которому до сих пор по праздникам приходят с угощениями и смехом жители деревни, бережно хранящие легенду о том, как их прадедов привели на этот берег, она чувствовала, как ослабевает тугой узел судьбы, постепенно расправляясь обратно в прямую нить.

16.The Tower

Призраки прошлого мирно уснули, больше не тревожа старую женщину. Яркие сны об

удушливом юге, полные пестрого мельтешения, потускнели, смешались с дымом трубки и истаяли, и память больше не хотела удерживать детали. То, что было, больше не имело власти над тем, что будет, и даже мир вокруг пришел в движение, словно соглашаясь с неизбежностью перемен.

Однажды утром, когда деревня еще спала, к берегу пристали лодки. Странные, металлические конструкции, несущие в своем чреве чужих людей. Их кожа была светла, а волосы короткие, за спинами они несли огромные сумки, а в руках - сумки, каких не делал местный народ. Пришлые отстроили свою деревню - маленькие домики, укрытые тканью, выросли у края леса. И когда солнце поднялось наконец над горизонтом, несколько людей уже стучали в увитую нитями и лентами дверь дома, стоявшего ближе всего к ним.

Хозяйка же заканчивала расчесывать седую гриву, когда духи, сторожившие дверь, зло ощерились на чужаков. Она покачала головой, собирая волосы в узел, и позволила двери открыться. Стоявшие на пороге заговорили, но она не могла понять их языка. Тогда они ушли, но почти сразу вернулись, приведя с собой еще одного, отчаянно красневшего, предоставив ему общаться с ней.

- Мы прийти как друзья, - медленно, постоянно запинаясь произнес тот. - Принести... лекарства!

Она насмешливо передернула плечами, следя за беснующимися духами:

- У нас достаточно лекарств. Вы заняли наши земли, чужаки, но нам от вас ничего не нужно. Мы не против соседства, но лучше бы вам отправляться своей дорогой.

- Но наши лекарства лучше! - ее собеседник на минуту отвернулся, советуясь со своими. - А еще у нас есть хорошее оружие.

- Нам ничего не нужно от вас, - повторила она, жестом выпроваживая ступившего было за порог человека. - Уходите.

И они ушли, но ненадолго. Их поселение, шаткое и ненадежное, притягивало молодежь, и вскоре вся деревня радостно принимала пришельцев, как своих гостей. Их оружие было сильнее, их лекарства были совершенно иными, и ни один из них не имел покровителя. Это сбивало с толку, но больше завораживало всех, кроме старой шаманки, все пророчившей беду.

А чужаков становилось все больше. Они прибывали, ставили более прочные дома, учили местных своему языку и письму. Но страшнее было то, что они рубили старый лес, всегда защищавший деревню. Могучие стволы со стоном падали, а те, что еще стояли, плачем провожали их в последний путь. Шаманка видела, как уходят потревоженные духи, забиваясь глубже в чащу, но ее не слушали: сильные чужаки, живущие по своим странным законам, старательно доказывали деревенским, как слепа их вера, как она глупа и наивна. И им верили. Как более сильным и мудрым.

И старая шаманка, видя, как умирают души деревьев и уходят, чтобы уже не вернуться, духи-покровители, ничего не могла сделать, чтобы им помочь. Она проклинала пришельцев, но их было слишком много. Прятали лес в густом тумане, но чужаки не боялись работать вслепую. Просила реку затопить их хлипкие дома, но вместо десятка сгинувших выростали двадцать новых, прибывающих даже с воздуха.

В глухом отчаянии, она вспомнила, что значит ненавидеть, и память эта разрушила что-то

глубоко внутри. Женщина отравила всю пищу, что привезли с собой чужаки. На выживших спустила духов-охранников, еще остававшихся при ней, позволяя им убивать незваных гостей. Она стояла на холме, наблюдая, как паника накрывает умирающих, и в сердце ее не было жалости – только острая боль потери, потому что со смертью чужаков умерло и что-то важное в ней, что-то, обретенное было на краткий миг и тут же выброшенное, словно мусор.

Деревню, ее маленькую деревню, было уже не вернуть. Ее жителей отравил яд чужаков, принесших свои обычаи, и противоядия она не знала. Увидев, как деревенские пытаются спасти умирающих, она отвернулась, глотая слезы. И ушла.

Те, кто успел заметить одинокую фигурку, уверяли позже, что старая шаманка просто растаяла в воздухе. Пропитавшиеся духом нового, чужого времени не верили им и смеялись, уверенные, что она просто скрылась в слишком густом тумане. Но ни те, ни другие так и не смогли найти в себе мужества отправиться на ее поиски.

17. The Star

Лапы мягко касаются мокрой листвы, и в воздухе разлит запах осени. В этом запахе и недавно прошедшая гроза, и свежий заячий помет, и чистая, сочная хвоя. Лес молчит, отпустив холодный ветер дальше, в поля и горы, и в молчании своем он торжественен и грозен.

Молодой лис с лоснящейся шерстью неслышно ступает в утреннем тумане, прижав уши и уткнувшись носом в землю. Кончик хвоста настороженно подрагивает, и кажется, будто зверь готов в любую минуту сорваться с места, бросившись в погоню за едва уловимой тенью. Но тут кусты за его спиной начинают оглушительно трещать. Лис припадает к земле, настороженно вглядываясь в переплетение сухих ветвей...

Чувствуя, как по сведенному судорогой телу разливается тяжесть, она открыла глаза. В окно хижины заглядывала, пытаясь найти ее, полная луна, и она усилием воли заставила себя придвинуться ближе к стене, в спасительную темноту ночи.

Запахи сна постепенно уходили, сменяясь ароматами сушеных трав и тлеющих в печи березовых поленьев. На пару секунд над столом загорелась пара кошачьих глаз, но сразу же погасла — кот поспешил спрыгнуть на пол, сделав вид, что стережет мышь. Но старая седая женщина продолжала лежать, слушая, как постепенно утихают тяжелые удары загнанного сердца, возвращаясь к привычному размеренному ритму.

Ей давно не снились такие настоящие сны. И она не знала, предвестником каких событий должен стать этот. С тревогой прислушивалась она к своему телу, полному жизни и странной жажды движения, желаний, долгие столетия назад похороненных под пеплом горящих лесов. Ей хотелось бежать, когтями разрывая воздух, ловить ускользящую ночь за короткий хвост и клыками впиться в податливую плоть самого времени. Не в силах справиться, она поднялась и вышла на порог, полной грудью вдыхая холодный воздух, и полная луна рассмеялась, отразившись в ее глазах.

Старый ловец снов, сплетенный годы назад, угрожающе затрещал за ее спиной. Обломки прутьев беспомощно повисли на истершихся нитях, а блестящие бусины рассыпались по деревянному полу, падая в щели и исчезая в тенях, копошащихся по углам. Кот с шипением выгнул спину и молнией метнулся под кровать, когда едва теплящийся огонь в печи взревел, лизнув языками пламени покрывшийся ледяной коркой чайник.

А женщина улыбалась, обнажив острые зубы, и ветер ласково перебирал ее седые пряди,

казавшиеся рыжими в лунном свете. Мир вокруг распался на сотни и тысячи кусочков, ярких и манящих, совсем как когда-то давно, так давно, что прошедшее кажется сказкой. Страшной сказкой о том, как маленький, глупый оборотень случайно стал мертвым внутри человеком, капля за каплей собирающим свое прошлое. Человек жил и умирал. Научился ненавидеть и мстить. Попытался научиться прощать, но обманулся, так и не сумев осознать смысл человеческого прощения. И, не сумев, снова считал себя мертвым.

Но это было давно. А сейчас... сейчас она стояла на пороге хижины, внимательно слушая песню ветров. Обволакивающий голос лести южного, чарующий напев восточного, порывистый и тревожный призыв западного и мертвенно-спокойный плач северного. И, вслушиваясь в отголоски знакомых песен, она чувствовала себя по-настоящему живой.

4. IV. Я

18. The Moon

В тишине отчетливо слышно, как свирепый северный ветер бьется о стекло, угрожая высадить оконную раму, ворваться в комнату и разметать кучу мелочей, угнездившихся на полочках. Сорвать со стен ловцы снов, опрокинуть баночки мха, заставить камни из разных мостовых и предгорий мира возмущенно грохотать, сталкиваясь друг с другом. Но больше всего ветру хочется задуть горящую в узорном подсвечнике свечу. Чтобы ее свет, отражающийся в десятке разноцветных полупрозрачных стекляшках, перестал плясать по стенам, рисуя картины странного и страшного прошлого.

Но чем больше я вспоминаю, тем меньше боюсь.

Ветер мудр. Он знает, что нельзя ворошить прошлое, к которому ты еще не готов. Но оконное стекло крепко, и ветру только и остается, что бессильно биться о него, наблюдая, как на пестрые ткани вокруг свечи ложатся руны, тускло мерцающие в разноцветных отблесках. Иногда кажется, будто то одна, то другая начинает ярко светиться, оставляя в полумраке яркий след. Эти следы, эфемерные, остающиеся только на радужке глаз, догоняют друг друга, сплетаются, образуя завораживающую вязь. Начни расплетать ее — и окружающий мир померкнет, наполнится запахами и звуками давно минувших веков. И вот уже руки покрываются шерстью, а пальцы, едва касающиеся теплого дерева рун, обрастают крепкими когтями. Нет больше маленькой комнаты, нет подушек и колокольчиков, ленточек и клубков пряжи — есть только бескрайнее поле и высокий курган, окруженный полынью и мятой. А ветер, свободный и сердитый, подталкивает в спину, словно говоря: не слушаешь меня, так беги вперед.

И я бегу. Бегу вниз, спускаясь с кургана по спирали, боясь упасть и кубарем скатиться в заросли полыни. Бегу, закрыв глаза, и от восторга замирает сердце. Прорываюсь через траву, то и дело выпрыгивая из нее, чтобы схватить зубами светлячка. И пока я бегу, покрытое пылью прошлое становится сияющим будущим, которое придется прожить снова, чтобы вспомнить.

Мимо проносится озорной дух, совсем юный и бесконечно удивленный. Но я уже помню его восторг, надежду и боль, и самая большая его глупость давно отпечаталась в моей — нашей — памяти, прошедшей через смешливого циркача и старую шаманку. Все остальное лежит слишком глубоко для меня. Боюсь, чтобы вспомнить и это, может не хватить целой жизни.

Запах луговых трав, пробивающийся через ароматы мяты и полыни, сводит с ума, и хочется бежать, не останавливаясь, до самого низа, чтобы коснуться лапами ночной росы и отправиться вдаль. Что-то глубоко в душе рвется туда, подальше от кургана, в манящую, душистую бесконечность. Это "что-то" точно уверено, что бежать по прямой — легче и приятнее, но мне страшно. Страшно заблудиться в том прошлом, что кроется среди луговых трав. Оно слишком старое, настолько старое, что иногда мне кажется, будто сознание мое не выдержит даже соприкоснуться с ним, не то, чтобы окунуться и прожить.

Но восхитительная полная луна, встающая где-то там, впереди, так сладостно зовет за собой... Вперед, через морщинистые руки старой женщины, вперед, мимо перестука бусин в волосах юноши, мимо пожаров и наводнений, мимо городов и леса, мимо смерти и рождения, вперед, туда, где не было еще ничего, только...

Резкий порыв холодного ветра сдирает мех и кожу, заставляя корчиться от боли. Луг, курган, запахи и безумная луна — все исчезает в один миг. Окно все-таки раскрылось,

впустив сердитые ледяные порывы. Погасшая свеча сиротливо валяется на полу, заливая воском ковер, а руны безжизненными кусочками дерева раскиданы по столу. Но мир перед глазами все еще плывет, словно тело еще не осознало, где оно, а главное — чье оно. Болезненная слабость растекается по мышцам, еще не до конца определившись, какая реальность — реальна. Был ли бег, полный восторга? Было ли сидение за столом в полной неподвижности? Был ли горький привкус полыни или едкий запах воска? И хочется бессильно рыдать, пока разорванная надвое сущность пытается собраться воедино.

А ветер, свирепый северный ветер, хохоча треплет перья и поет голосами всех колокольчиков комнаты, то ли с издевкой, то ли сочувственно сообщая: вот она, жизнь. Еще новая, но уже обросшая все теми же старыми ошибками и недосказанностями. Шанс в очередной раз распутать тугой узел судьбы или снова сдаться, покоряясь неизбежному.

Но скоро рассвет, а за ним — новый день. Днем все кажется легче, и тоска по утерянному не кажется такой острой. Днем проще найти выход из лабиринта памяти, найти смысл в самых безумных поступках и решить, как жить дальше с этим грузом. А сейчас... сейчас я закрою окно, распаханное ветром, уберу руны и свечу, поправлю любимый пестрый ловец снов — и в очередной раз попытаюсь придумать, как исправить самые большие глупости, скопившиеся за долгие, долгие жизни в этом мире.

19. The Sun

"Без смерти нет прогресса".

Не помню, из какого бесконечного потока на меня оскалилась эта фраза, но так ли это важно? Она просто пришла. И теперь никакой ветер не может вытряхнуть ее из моей головы, разве что...

— Это страшная глупость, — сообщаю своей тени, бегущей впереди по заросшей травой тропинке. Тень не отвечает. Зато окружающий лес кажется заинтересованным, и я продолжаю уже для него: — Какой прогресс там, где нет памяти о смерти? Вот что важно. Можно умирать десятки, сотни раз, но пока ты не вспомнишь хоть один из них — как сможешь двигаться дальше?

Лес смеется, тихо шелестя листьями. Этот шелест не менялся никогда — его слышал маленький оборотень, в его отзвуки вплетался стук бусин циркача, вслед за ним уходила шаманка. Но лес, его голос, где бы мы не находили друг друга, всегда оставался неизменным. И он это понимает, в отличие от меня.

На тропинку выбегает пес. Мокрый и счастливый, он неожиданно замирает передо мной, настороженно пригнувшись. Я молча смотрю на него, но загравком ощущаю, как встает дыбом шерсть. Пес припадает на передние лапы, готовый к атаке... но зачем? Мы оба знаем, что из этого выйдет. Как знаем и то, что только я могу что-то изменить сейчас, когда пес понял, кто стоит перед ним. Сама его природа не позволит просто уйти. А потому я глубоко вдыхаю, улыбаясь уголками губ, и делаю шаг в сторону. Пес успокаивается и повторяет мое движение.

Наверное, со стороны кажется, что мы одновременно уступили друг другу тропинку и мирно пошли дальше.

Закат согревает спину, нежно и ласково, но я все равно не оборачиваюсь. Пока алый шарик не закатится за горизонт, я не смогу повернуть назад, как бы мне этого не хотелось.

— Да, конечно, — я вздыхаю, останавливаясь в корнях высокого, старого дерева, растущего у берега реки. — Что толку помнить что-то, если ты не можешь сделать из этого выводы, правда? А что толку в этих выводах, если ты ничего не можешь изменить? Нельзя смотреть на солнце, если однажды твои глаза сгорели. Просто не выйдет.

Кора дерева теплая и шершавая. Можно закрыть глаза и прислониться к нему, вдыхая окружающие запахи: свалывшаяся шерсть, речная тина, старое, забытое гнездо, уже почти развалившееся в труху. Прошлогодние листья и свежая трава, малина и мокрый, спрятавшийся за поросшим мхом пнем гриб. Запахи успокаивают и кажется, что дерево обнимает своими тяжелыми ветвями, обещая, что все наладится. И хочется ему верить — отчаянно, до слез хочется.

— Скажи, — мой шепот кажется слишком резким здесь. — Знать, сколько глупостей было совершено в прошлом, понимать, что их не избежать, и постараться сделать так, чтобы в будущем, при всем желании, не было даже возможности их повторить — это действительно выход? Кажется, раньше мне казалось, что это хорошая мысль. Но теперь... может ли простое изменение внешнего как-то помочь?

Лес молчит. Дерево молчит. Река, и та на краткий миг перестает журчать, и вокруг остается плотный кокон тишины, уютный, но вместе с тем пугающий, потому что в этой тишине зарождается ответ на мой вопрос. Этот ответ исподволь проникает в сознание и растворяется в нем, оставляя понимание и ноющую пустоту. Но стоит открыть глаза, как пустота наполняется яркими красками леса. Отдаленный рокот грома разбивает тишину на мелкие-мелкие кусочки, безвольно падающие в траву и теряющиеся в ней. Теперь запахи кажутся более яркими, а звуки — громче и радостнее.

И это — тоже ответ. Только обдумывать его придется немного дольше, привыкая к такой постановке вопроса. А пока... Закатные лучи, огибая ствол старого дерева, все еще согревают спину. Нежно и ласково, но я все равно не обернусь.

Ведь пока алый шарик не закатится за горизонт, я не смогу повернуть назад, как бы мне этого не хотелось.

20. The Judgement

Сидя у корней старого дерева и слушая тихий плеск волн, я раскладываю на земле исписанные листы. Здесь все: радостный бег через лес и упоение священными песнопениями, шум рынка и дым трубки, сушеные травы и нити ловцов снов. Все, что удалось собрать и превратить в слова. Каждая минута странной, немного горькой судьбы одного-единственного оборотня. Солнце все еще не село за горизонт, а значит, у меня есть время еще немного подумать о ней.

Задумчиво теребя перья, превращенные в серьги, я пытаюсь разложить листы так, как они должны идти: от самого первого вдоха до яростной бури в лесу. Но упрямый ветер

раздувает записи, словно не соглашаясь с моим решением. В воздухе, принесенный им, разливается запах каких-то приторных цветов, и это мешает думать, отвлекая и заставляя поднять голову от бумаг, принюхиваясь. И в тот же миг ветер резко меняет направление, обрушивая на меня запах хвои, острый и густой аромат, от которого кружится голова. Мы смеемся, я и лесной ветер, и громким плеском нам отвечает река. А когда я вновь смотрю на листы, они вновь лежат в беспорядке.

Этот беспорядок обманчив. Когда-то мне казалось, что ветер просит меня забыть все, что было. Словно забыть может спасти от новых ошибок, сделать тело легким, а душу — совсем невесомой. Но тогда воспоминания сами начали находить меня, приходя во снах, открываясь среди ночных сугробов и в осенних листопадах. Они жгли меня изнутри, терзая сердце и разум, и мне казалось, что я схожу с ума. Было горько, пусто и бесконечно одиноко.

Поэтому теперь, внимательно изучая лежащий у ног беспорядок, я вижу в нем систему. Как одни события притягивают другие, во что превращаются ошибки и почему иные из них перестают меня преследовать. Целый ворох бумаги оказывается разбросан вокруг, — это те события, которые не приводят к самым страшным последствиям. Они просто прошли, затерявшись в веках, и если я и помню о них, то только потому, что они служили фоном для действительно важных вещей. Даже если они такими не казались.

"...слушай, внимательно слушай песню ветров", — насмешливо шелестит лес, пока я откладываю выбранные ветром листы в отдельную стопку. Он прав. Как и всегда.

Восемнадцать страниц. Восемнадцать воспоминаний, выхваченных из общего потока и буквально сунутых мне под нос, как нерадивому ученику, в который раз не подготовившему уроки, как будто у судьбы начало заканчиваться ее бесконечное терпение.

"...никогда не пытайся примерить на себя жизнь человека, маленький оборотень", — укоризненно журчит река. Я делаю глубокий вдох, еще раз, — в сотый или уже тысячный? — погружаясь в эти восемнадцать историй о собственном прошлом. Проживая их и пытаюсь понять. Снова кричу от боли и захлебываюсь радостью, смотрю на старый, давно всеми забытый мир и чувствую, как по щекам стекают слезы.

"...где есть радость, есть и печаль, где есть хвала - всегда будут проклятия, а каждая новая жизнь идет рука об руку со смертью".

Открыв мутные от влаги глаза, я смотрю, как за зелеными кронами полыхает зарево пожара, как там, вдалеке, люди бегут, спасаясь от обломков рушащихся зданий.

Ничего не остается неизменным. Ни я, ни тот самый мир, который так понравился маленькому, наивному оборотню. Этому миру пришлось подойти вплотную к смерти, чтобы глупый, старый оборотень наконец смог все осознать. И не просто осознать и понять, решив, будто судьбу можно побороть, просто сделав все наоборот в тщетной попытке что-то исправить. Принять всем сердцем и душой все, что было совершено... и только тогда отпустить.

Восемнадцать страниц. Восемнадцать историй, придавленных камнем, остается лежать на берегу реки, когда солнце, наконец, окончательно падает за горизонт.

21. The World

Ночь приносит прохладу и освобождение. Ночью мир становится другим, совсем немного, но достаточно, чтобы это почуять. Все, что когда-либо приходило в него, приходило через ночной мрак, следуя за горящему, подобно маяку, едва различимым серебристым лучиком лунного света. И точно так же покидало его, научившись находить выход из петель и узлов Судьбы.

В опустившихся сумерках я поворачиваюсь спиной к догорающему зареву пожара и открываю глаза, вдыхая прохладный, пряный воздух летней ночи. Ветер, радостно хохоча, проносится мимо, подгоняя и предлагая попытаться обогнать его. И я бегу. Бегу за оседлавшим смешливый ветер вороном, запинаясь о корни засохших деревьев, бегу мимо удивленных собак, искавших приюта в лесной глуши, бегу, позволяя себе опьянеть от ароматов хвои и полыни. Испуганный заяц забивается под куст, завидев меня, но мне нет до него дела. Кому нужен заяц, когда его добыча — целый мир?

Лунный свет осторожно гладит меня по спине, и я бегу еще быстрее, опускаясь на все четыре лапы и на крутых поворотах тропинки помогая себе хвостом. И какое мне дело до удивленного человека, рассыпавшего корзинку грибов? На секунду, пробегая мимо, я ухватываю зубами нить его жизни, — просто дразня, и отпускаю, уже зная, когда и как она оборвется. Ветер с хохотом сбивает с него шапку, и мы бежим по лесу, грозно скрипящему и шумящему кронами деревьев. Он снова чувствует себя молодым, и попросту не может сдержаться. Но человек пугается и убегает прочь, забыв и шапку, и свои грибы. Он будет считать этот лес злым, проклятым местом. Что с него взять.

А я бегу вперед, на свет старого, самого старого маяка, ведущего на большую поляну под сенью дерева, в ветвях которого до сих пор колышутся на ветру сотни ленточек и нежно звенят колокольчики. Бежать придется долго, но мне уже все равно. Я чую запахи мира, слышу его шепот и больше не чувствую тяжести воспоминаний, — эта свобода придает сил и уверенности, что на этот раз я все делаю правильно.

А если нет... чтож, Судьбе придется сплести новую петлю и набраться терпения.

Как и мне.

5. Эпилог-приложение. Сказки старой шаманки

Как плачущая богиня детей своих потеряла

Однажды, очень давно, так давно, что камни земные не вспомнят, когда мир был огромен и пуст, а смеющийся бог только начинал создавать существ, обитающих в нем и поныне, появилась плачущая богиня. Смеющийся бог увидел ее во сне и долго смеялся, не в силах уразуметь, почему ему приснилась женщина, не умеющая улыбаться. И так понравился ему этот сон, что создал он из льдов, сковывавших землю, такую женщину, и вложил в нее частичку себя, чтобы помогала она ему населять пустой мир.

Но смеющийся бог часто совершал ошибки, создавая существ, которые не казались ему забавными — и убивал таких существ, а из праха создавал новых. Но плачущей богине было жаль каждое нерожденное и уже убитое создание, и она дни напролет плакала, и из слез ее собрались океаны и реки. Иногда богиня крала прах убитых существ, создавая из него обитателей морских и речных, отличных от тех, каким учил ее смеющийся бог. И, создав, прятала их в темные глубины, чтобы тот не увидел и не убил их в гневе.

Но однажды смеющийся бог заглянул на дно морское и увидел там существ странных и смешных, каких не создавал. Догадался он тогда, что богиня их спрятала, но так хохотал он, что не стал сердиться. Признав, что создания ее хороши, он спросил, что хочет она в награду за них? И богиня ответила, что хочет создать себе сыновей, как смеющийся бог создал ее. Еще сильнее рассмеялся бог и разрешил ей.

Долго работала богиня, часто бросая на середине работу, но все равно возвращаясь к ней. В мире успели появиться многие звери и птицы, растения и другие существа, пока она, наконец, не создала себе двоих сыновей, в каждого из которых вдохнула по частичке себя, доставшейся от смеющегося бога. И увидев, как прекрасны ее сыновья, богиня разрыдалась от радости, и слезы эти стали пресными озерами, чистыми и сияющими.

И с тех пор всегда они ходили втроем, втроем брались за любую работу, втроем переживали и радовались. Втроем завершили они заселения дна морского и дна речного, расписали гальку в разные цвета и подарили цветные шкурки некоторым созданиям смеющегося бога, получившимся слишком серыми, когда тот устал творить. Увидев новые шкурки, смеющийся бог расхохотался сильнее прежнего, но вскоре смолк, устав. Сказал он, что долго работать пришлось и много сил на работу ушло, а потому он пойдет отдыхать. И оставил плачущую богиню и ее сыновей присматривать за миром, а сам завернулся в теплое снежное одеяло, зарылся глубоко-глубоко, да и уснул.

Поначалу ничего не менялось: богиня работала, придумывая новые шубки зверям и духам, и сыновья ей помогали. Но не умел ни один из них смеяться, а без согревающего смеха бога земля стала чахнуть, мерзнуть и умирать. И настала Долгая Зима, когда колючий снег опутал мир, и сильные вьюги пришли на смену теплым ветрам. Слезы замерзали у глаз богини, и вскоре она перестала видеть, что происходит вокруг, а потому застыла, недвижимая, посреди океана, боясь шевельнуться и ненароком раздавить любимых своих созданий. Но прежде, чем застыть, попросила она сыновей своих найти смеющегося бога и разбудить его, пока не опустел мир совсем.

И сыновья богини отправились на поиски. Долго раскидывали они снег, пытаясь найти постель смеющегося бога, да все без толку: далеко и глубоко ушел он, утомившись. Звали они его, так громко, что с неба падали звезды, но так и не дозвались. А Зима с каждым днем становилась все суровее и холоднее, и жизнь почти совсем покинула мир. И тогда решили сыновья богини отдать миру то тепло, что было в них от частички их матери и самого смеющегося бога. Но, созданные женщиной, не умеющей улыбаться, не нашли

лучшего способа, как саму свою кровь отдать промерзшей земле. Взяли они свои охотничьи ножи и, извинившись перед застывшей далеко в океане матерью, вонзили их друг другу в грудь.

Горячая кровь пролилась на ледяные просторы, растопив лед и оживив умирающих зверей, напитав влагой почву и силой истощенных духов мира. И духи, и звери, и сама земля тогда в благодарность разыскали смеющегося бога и разбудили его.

Долго смеялся бог, но смех его был не весел. Злой и колкий, пышущий жаром ярости смех растопил Долгую Зиму, вновь вернув миру тепло.

Не радовалась только плачущая богиня, скорбящая по своим сыновьям. Созданная смеющимся богом из частички его существа, она не могла ненавидеть его за долгий сон, а потому ярость и боль свою обратила на мир, ранее любимый, за то, что допустил смерть детей ее. И скрылась плачущая богиня на дне морском, разлилась реками и озерами и стала забирать жизнь, вместо того, чтобы дарить ее.

И до сих пор в последний час каждого живого существа за ним приходит плачущая богиня.

Как смеющийся бог солнце вернул

Давно это было. Так давно, что и не измерить жизнью человека. Тогда леса шумели голосами духов, нам незнакомых, молодых и любопытных, а звери еще не сбросили клыки, величиною с руку младенца. Земля была молода, и солнце, выходя на небо, сияло ярче всех костров, что горят в Длинные Ночи. Жил тогда Медведь, и был он самым жадным и голодным из всех живущих. Медведя этого создала в горе великом плачущая богиня, когда Долгая Зима отняла ее сыновей. А создала она его, чтобы не осталось жизни там, где не нашлось места детям ее.

Если ловил Медведь рыбу в реке, то вылавливал всю, до последней икринки, а если охотился, то лес вымирал и пустел на долгие годы, а потому Медведь не жил на одном месте, а скитался по земле, опустошая ее, как и хотела плачущая богиня. Шли годы, и многие земли опустели. Из всех трав и зверей, что жили там, остались лишь мох да мыши, слишком мелкие, чтобы Медведь мог разглядеть их под снегом. Тогда, терзаемый голодом, взглянул Медведь на небо, и увидел большое, яркое солнце. Рассудив, что такое огромное угощение сможет приглушить, если не утолить его голод, Медведь попытался достать его, но не смог - слишком высоко висело солнце. И отправился Медведь на поиски горы достаточно высокой, но был так голоден, что встречающиеся на пути горы обгладывал, а в жадности своей пожирал их почти до основания, оставляя вместо гор сопки да холмы.

Расстроился Медведь и начал топтать ногами от обиды. Столько к тому времени поглотил он гор, что стал огромным и тяжелым, и от топота его исказилась земля, и появились новые горы. Задумался тогда Медведь. А задумавшись, решил: раз нет горы высокой достаточно, чтобы добраться до солнца, нужно гору эту создать. И прыгнул тогда Медведь высоко-высоко, а приземлившись, пробил яму глубокую. Земля, что вытолкнута была им из ямы этой, стала горой самой высокой, что когда-либо была. Взобрался Медведь на гору эту, открыл пасть пошире, да поглотил солнце целиком. И стало ему так тепло и сытно, что Медведь уснул прямо на вершине горы.

Без солнца стало темно на земле. Так темно, как было только в начале времен, когда духи нянчили только родившихся богов в своих колыбелях. Тьма эта застала смеющегося бога в разгар праздника, когда он играл с лесными зверями и бил в свой увешанный колокольчиками бубен, чтобы веселились и духи, жившие в том лесу. Звери и духи испугались наступившей ночи, и многие испугались так сильно, что упали замертво.

Опечалился смеющийся бог, что праздник его закончился так грустно, и пошел посмотреть, что же случилось с солнцем, которое только что светило так ярко.

Вышел он из леса и увидел высокую гору, которой не было раньше. Удивился смеющийся бог, и от удивления рассмеялся так сильно, что гора затряслась и осела. И хоть высока она все еще была, но до неба уже не доставала. Увидел смеющийся бог на вершине горы огромного Медведя с раздувшимся животом, и понял, где солнце искать надо. Поднялся тогда он к Медведю, но не смог его разбудить - крепок сон сытого зверя.

Тогда достал смеющийся бог свой охотничий нож и вспорол живот Медведя, думая, что солнце выйдет из него обратно. Но солнце не вышло, заблудившись среди обломков гор, также наполнявших желудок зверя. Рассмеялся своей недогадливости бог и вошел в распоротое нутро, отправившись солнце искать.

Долго бродил смеющийся бог, так долго, что живот Медведя обратно сросся, и стало в него внутри еще темнее, чем было снаружи. Но только улыбался смеющийся бог, потому что в этой темноте отчетливее стало сияние проглоченного солнца, и на это сияние бог и пошел, вызванивая своими колокольчиками веселые песни, чтобы идти было не скучно. А добравшись до солнца, придавленного большим камнем, только покачал головой: успело солнце перевариться, и от яркого и огромного шара остался лишь блеклый диск. Достал смеющийся бог этот диск, да пошел обратно, и вышел, заново распоров живот Медведя. На этот раз зверь проснулся, ибо пусто стало в его желудке, увидел рядом с собой смеющегося бога, и решил сожрать его. Но бог рассмеялся, и смех этот был страшен. Громкий и злой был тот смех. Столько было злости в нем, таким громким он был, что разум Медведя смутился. Голова зверя начала болеть, и боль была такой сильной, что Медведь умер, не выдержав ее.

А смеющийся бог спустился с горы, искупал добытое солнце в водах широкой реки и вставил отмытый и сияющий диск в свой бубен с колокольчиками, чтобы не истаял в небе диск тот. И подбросил его высоко-высоко, но не смог докинуть до тех высот, где раньше солнце было. С тех пор и висит солнце низко над землей, и светит тускло. А в часы рассвета и заката, когда солнце катится по небу вверх и вниз, если прислушаться, можно услышать тихий перезвон далеких колокольчиков с бубна смеющегося бога.